

От автора бестселлера «Сбежавшие сестры»

КОГДА МЫ ТАНЦЕВАЛИ НА ПИРСЕ

Сэнди Тейлор

Сэнди Тейлор
Когда мы танцевали на Пирсе
Серия «Trendbooks WOW»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67248812

Когда мы танцевали на пирсе / С. Тейлор: Клевер-Медиа-Групп; Москва;

2022

ISBN 978-5-00154-832-4

Аннотация

Брайтон, 1930. Морин О'Коннелл с самого детства была влюблена в парня, живущего по соседству. Она верила, что однажды они будут счастливы с Джеком. Как же она ошибалась...

Ее беззаботная юность закончилась с наступлением войны.

Несчастливая любовь и семейная трагедия заставили Морин рано повзрослеть.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	19
Глава четвертая	25
Глава пятая	33
Глава шестая	38
Глава седьмая	45
Глава восьмая	54
Глава девятая	59
Глава десятая	71
Глава одиннадцатая	78
Глава двенадцатая	91
Глава тринадцатая	98
Глава четырнадцатая	106
Глава пятнадцатая	113
Глава шестнадцатая	121
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Сэнди Тейлор

Когда мы танцевали на пирсе

*Посвящается моей мамочке Морин О'Коннелл и
моему папочке Джону Голдсмиту Они оба – словно
радуга у меня на плечах¹.*

Sandy Taylor

WHEN WE DANCED AT THE END OF THE PIER

Перевод Юлии Фокиной

Оригинальное название: When We Danced at the End of
the Pier

Copyright © Sandy Taylor, 2017

This edition published by arrangement with Kate Hordern
Literary Agency Ltd and Synopsis Literary Agency. художе-
ственное оформление © Lee Avison / Trevillion Images

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2022

Глава первая

Брайтон, 1930 г.

Вот дерево, а сколько времени я на нем сижу – неизвестно, только наверняка немало, потому что ногу свело – на нее же весь упор. А сижу не просто так, нет. Я – наблюдаю. За мальчиком. Он внизу, меня не видит. Занят: оловянных солдатиков рядами ставит. Один ряд – зеленые мундирчики, другой – синие; выстроены друг против друга, готовы к атаке. У мальчика волосы совсем желтые, ни дать ни взять маргарин. Падают ему на лоб, он их откидывает, и они, пронизанные солнцем, сверкают, даже глазам больно. Вообще-то мальчишки мне безразличны. Что в них хорошего, в чумазых вонючках? Хохочут и вдобавок обзываются, вслед гикают. Только этот мальчик не вонючка и не горлопан. Пахнет он, скорее всего, клубничным вареньем, лимонами и еще чем-нибудь вкусным. Синий джемпер и серые шорты опрятные. Век бы на него любоваться. Поверни он голову – глаза окажутся синие-пресиние, точь-в-точь как этот его джемпер. Интересно, сколько ему лет? Не поймешь, пока в лицо не взглядишься, но, пожалуй, постарше будет, чем я... От размышлений меня отвлекла Бренда, моя сестренка.

– Морин! Папа зовет нас в дом!

Я приложила палец к губам и поманила ее. Бренде исполнилось шесть – на два года меньше, чем мне.

– Заправь платье в панталоны, – шепнула я.

Бренда послушалась. Залезла с моей помощью на дерево, уселась.

– А что ты делаешь, Морин?

– Да тише ты! Вон на него смотрю.

Я раздвинула тонкие ветки, чтобы Бренде тоже было видно. Внизу и чуть поодаль лежал соседский двор.

– Зачем?

– Затем, что он мне нравится.

– А папа состряпал рагу.

Не успела Бренда шепотом выдать эту весть, как в соседнем дворе появилась женщина и крикнула:

– Джек! К тебе Нельсон пришел.

– Джек, – тихонько сказала я. Надо же было попробовать, каково это имя на вкус.

– Джек, – шепотом повторила Бренда.

Новый мальчик бегом бросился к Джеку, сел рядом с ним – коленками на траву. Весь он был какой-то бурый: джемпер, волосы, даже щеки. Сразу видно, что этот Нельсон – из обыкновенных мальчишек. Ни капли не похож на Джека. От такого ни клубничным вареньем, ни лимонами пахнуть не будет, это уж точно. И вообще, догадаться было – сына Нельсоном назвать.

– У нас нынче и хлебушек есть, Морин, – заговорила Бренда. – Можно его в подливку макать. Папа мне сказал, чтоб тебя скорей привела.

Сообщение о хлебе я проигнорировала. Мое внимание было занято мальчиками. Оба теперь выкрикивали «пиф-паф, пиф-паф» – будто солдатики палят из ружей.

– Сдавайся, или умрешь! – вопил Джек.

– Сам сдавайся! – парировал Нельсон.

Джек подскочил к нему, они сцепились и стали кататься по траве.

– Рагу пахнет – слюнки текут, – не унималась Бренда.

– Ну и ступай обедать, – фыркнула я. – Никто тебя не держит.

Бренда не двинулась с места. Тут снова вышла мама Джека и сказала:

– Мальчики, обед готов.

Оба помчались к дому, но и на бегу продолжали друг друга тузить. А для меня словно солнце за тучей спряталось. Наверно, и солдатакам было так же обидно, ведь про них мигом забыли, бросили на земле.

– Куда же это подевались мои девочки?

Папа. Вышел, ищет нас. Мы с Брендой захихикали.

– А кто это там, на ветвях? Это две птички или это мои ангелочки?

Бренда полезла вниз:

– Ничуть и не птички, папуся. Это мы с Морин.

– И впрямь! – Папа подхватил Бренду на руки.

Я спрыгнула на землю, прижалась к нему, выдохнула:

– Папочка!

Он присел на корточки, чтобы посмотреть мне в глаза.

– Что такое, родная?

Я сложила ладошки трубочкой между своим ртом и папиным ухом. Папина щека была теплая и шершавая от щетины, пахло от него папиросами «Синьор Сёр-вис», а еще маргарином – папа смазывал им волосы, чтобы блестели.

– Он чудесный, – прошептала я.

– Кто чудесный?

– Один мальчик, – встряла Бренда. Личико у нее было самое серьезное. – Морин сейчас глядела на мальчика.

– Вот как? А папочку своего Морин больше не любит, что ли?

– Его звать Джеком, папа.

Папа закивал:

– Надеюсь, у него хорошие перспективы.

– Что это – перспективы?

– Я хотел сказать: надеюсь, у него хорошая работа и он сможет тебя обеспечивать.

– Он ведь еще мальчик, папа. Навряд ли он работает.

– Значит, ему надо поискать работу. Причем прямо сейчас. Может, в шахту его отправим?

Мне стало смешно.

– Папа, ты просто клоун!

– Ничего подобного. Хоть Бренду спроси. Ну-ка, Бренда, клоун я или нет?

– Ты не клоун, ты мой папуся.

– Вот и видно теперь, кто в школе будет лучше всех. Конечно, Бренда О’Коннелл! Давай полезай ко мне на закорки.

Бренда не заставила себя упрашивать, я взяла папу за руку, и вместе мы пошли к дому. Едва мы открыли дверь, как я учуяла папино рагу. И впрямь слюнки так и потекли.

– И хлебушек есть у нас, можно его в подливку макать. Правда, папа? Правда? – повторяла Бренда.

– Ну да. Я сам нынче испек целый каравай, специально для моих девочек.

Я засмеялась:

– Рассказывай! Ты его в булочной купил!

– Ой, подловила, подловила! Тебе бы детективом быть,

Морин.

У Бренды глазенки округлились.

– А мне, папочка? Мне можно детективом?

– Конечно, родная.

– А кто это – детектив? – спросила Бренда.

Папа потрепал ее по волосам:

– Детектив – он вроде полисмена.

– Нет, полисменом я не хочу.

– Тебя никто и не неволит, солнышко. Вот что, давайте-ка пообедаем на крыльце.

Только этого не хватало – чтобы золотоволосый Джек увидел, как я хлебом подливку собираю! И я скрестила за спиной пальцы и пискнула:

– Что-то меня знобит, папа. Лучше в кухне пообедать.

Папа немедленно приложил ладонь к моему лбу:

– Знобит? Ты простыла, милая?

– Нет, просто озябла.

– Тогда, конечно, будем обедать в кухне.

На самом деле меня не знобило, а наоборот, в жар кидало. И день выдался ясный – солнце так и пекло в кухонное окошко, – и рагу было только-только с огня, обжигающее.

– Морин, ты вся красная! – воскликнула Бренда. Подливка текла у нее по подбородку.

Папа снова принялся щупать мой лоб.

– В комнате побудешь до вечера, Морин.

– Нет-нет, папочка! Я не заболела, не думай.

– Точно?

Я пару раз подпрыгнула – пусть папа сам посмотрит, что со мной полный порядок.

– Видишь, папа, я здорова.

– Что ж, если ты уверена... Хотя мама тебя во двор не выпустила бы.

– Но ты-то выпустишь, папочка?

– Вот хитрюга! Вокруг пальца меня обвела!

Я вернулась к рагу. Зачерпывала его ложкой – такое густое, сытное. Нередко попадались мясные нитки (они застревала между зубов), и было сколько угодно морковки, порезанной большими кусками, а поверху плавало белое выжаренное сало – словом, объедение сплошное. Я отломилла изрядно хлеба – и в подливку его. Хлеб намок, стал коричне-

ВЫМ И СОВСЕМ МЯГКИМ.

– Какой у нас хороший дом, правда, папа? Он тебе нравится?

– Нравится, Морин. Нынче вечером вы с Брендой сможете помыться в ванне – в настоящей ванне, в отдельной комнате. Это вам не корыто, девочки. Вот чем хорош наш новый дом.

– Точно, папа. Все дело в ванне.

– Ладно, доедайте и бегом исследовать окрестности!

Мы с Брендой до блеска вымакали хлебом подливку в миске и побежали во двор. Я снова залезла на дерево, да только мальчика не увидела. Наверно, он ушел играть на улицу. Разочарованная, я спрыгнула.

– Пойдем, Бренда. Мы еще улицу не исследовали.

Глава вторая

В нашем новом районе все дома были как близнецы: если бы не цвет дверей, вообще не отличишь. Да и тут разнообразие небольшое – дверь либо зеленая, либо синяя. Нам достался дом с синей дверью. А переехали мы только накануне. Дядя Фред сгрузил наши пожитки, в том числе мебель, прямо в тачку, сверху папа усадил меня и Бренду. И нас затрясло в прямом и переносном смысле: дорога от Карлтон-Хилл до Качельного тупика была вымощена булыжником, тачка подпрыгивала, наши пальцы сжимали тачкины бортики, зубы клацали – удивительно, как они вообще сохранились. Знай я заранее про золотоволосого мальчика Джека, я бы пешком пошла – так приличнее, чем въехать в новый район на перевернутом комодe.

Перед последним поворотом в животе у меня как-то странно заныло. Наверно, это было предчувствие.

– Смотри, Бренда, это Качельный тупик. Здесь мы теперь будем жить.

– Сегодня особенный день, правда, Морин?

Я обняла сестренку за плечики, улыбнулась:

– Еще какой особенный.

На мостовой играли дети. Один мальчик показал нам язык.

– Прелестно, – фыркнула я.

– Прелестно, – повторила Бренда.

Тачка остановилась возле пятнадцатого номера. Уф, приехали. Папа помог нам слезть. Мы так и вытаращились на новый дом.

– До чего красивый, – выдохнула Бренда. – А мы и правда будем тут жить?

– Конечно. Этот дом – наш, и мы поселимся здесь навсегда, – заверила я.

– Ну-ка, девочки, бегите посмотрите, как там внутри, – сказал папа и начал выгружать мебель.

– Сначала мне надо наш новый дом в сердце угнездить, – произнесла Бренда с самым серьезным видом.

Такова наша Бренда: иногда скажет что-нибудь – хоть стой, хоть падай. У кого еще есть такая сестренка? То-то же.

Я выждала минутку:

– Ну что, угнездила? Пойдем?

Бренда ответила кивком, я взяла ее за ручку:

– Тогда вперед.

Мы двинулись по дорожке прямо к распахнутой синей двери. Остановились в маленькой прихожей. Ох, сколько дверей – и направо, и налево. Да еще лестница на второй этаж! У Бренды глазенки стали круглые, как блюдца.

– Морин, это же целый дворец!

– Точно, Бренда.

Папа и дядя Фред бились с нашим дряхлым коричневым диваном – и так и эдак его пихали в дверь, а он не пролезал.

– Ну что же вы стоите, милые? – спросил папа, удивляясь, что мы до сих пор на первом этаже.

Бренда сверкнула глазами.

– Просто, папа, мне хочется запомнить всё-превсё.

– Запомнишь, не волнуйся. Этот день навечно останется в нашей памяти, родная.

– Потому что он особенный, папа?

– Вот именно. Особенный.

Дяде Фреду наконец-то удалось втолкнуть диван в прихожую. Грохоту было! Дядя Фред отер пот со своей щекастой физиономии и зыркнул на папу.

– Еще бы. Этакий денек не скоро забудешь. До полусмерти вы меня уходили с этим вашим барахлом.

– Дальше мы сами справимся, – сказал папа и подмигнул нам с Брендой.

– И ничуть не хуже, – подхватила я.

В прихожей возникла мама:

– Вы только поглядите, девочки, какая у нас теперь будет кухня!

Мы пошли за мамой по коридору. Кухня оказалась в два раза больше той, что была у нас на Карлтон-Хилл.

Мама, сияя улыбкой, любовно погладила блестящую новенькую плиту. Счастлива, догадалась я, и у меня у самой сердце так и застучало. Бедная мама! Раньше ей приходилось стряпать в тесной кухоньке, на выдавшей виды плитке, а больше не придется. Я чуть не расплакалась. Странно – ведь

следовало ликовать. Бренда заметила, что у меня слезы на подходе, и выдала с интонацией мудреца:

– Это на тебя красота так действует, Морин. От красоты порой хочется плакать, да?

Я вытерла глаза:

– Ты права, Бренда. Да, наверно, права.

– Никаких слез, – сказала мама. – Сегодня счастливый день.

– Счастливый-то счастливый, – Бренда гнула свое, – да только ведь и от счастья плачут, разве нет?

Мы с мамой переглянулись и покачали головой. Мама шагнула к Бренде, присела на корточки, взяла ее мордашку в ладони.

– Обещай мне, солнышко, что не переменишься. Никогда-никогда.

– Постараюсь, – сказала Бренда.

Мама сняла с крючка пальто:

– Мне пора на работу, девочки.

Ох как жалко! Побывать бы маме еще в этой чудесной кухне!

– А может, сегодня не пойдешь, мам?

– Нельзя, Морин. Иначе моим работодательницам придется самим убирать свои гостиные. Куда это годится?

– И куда, мама? – спросила Бренда.

– В том-то и дело, что никуда не годится, доченька.

– Потому что у богатых руки не такие, как у бедных? –

предположила Бренда.

В ответ мама помахала руками перед Брендой.

– Пожалуй, так и есть, милая.

– С ума сойти! – воскликнула Бренда.

– К чаю я вернусь, а вы пока слезайте на второй этаж. Мы с папой займем переднюю спальню, вам остаются две другие. Можете немножко поссориться – кому какой владеть.

Мы поцеловали маму и наперегонки помчались по лестнице – шагали через две ступеньки. Оказалось, новая спальня мамы с папой выходит на улицу. Из тех, за которые мама разрешила немножко поссориться, одна выходила на боковую стену соседского дома, а другая на задний двор. Идеальный обзор, подумала я и крикнула:

– Чур, я буду спать здесь!

– Ладно, – сразу согласилась Бренда. – Мне все комнаты нравятся, и любая сойдет.

– Спасибо.

Я шагнула к окну. Передо мной лежал длинный газон – самый настоящий! Вдоль газона бежала дорожка, упираясь в деревянный сарайчик. На Карлтон-Хилл у нас вместо газона был просто клочок утрамбованной земли, а вместо сарая – яма для угля под убогим навесом. Здесь же вдобавок я увидела раскидистое дерево – красивое само по себе, оно нависало над забором, и казалось, по его крепким ветвям можно съехать прямо на соседский участок. Помню, я долго смотрела вниз, на клеточки газонов, разделенных забора-

ми, и удивлялась новому ощущению – будто вот-вот случится нечто чудесное. Будто еще немножко – и моя жизнь изменится навсегда.

Глава третья

Дядю Фреда я недолюбливала, потому что он говорил с моим папой грубо и наставительно. От него только и слышно было: «Пэт, найди работу, Пэт, найди работу». Правда, дядя Фред совал нам с Брендой пенсовики, ну и что из того? Я-то знала: он это делает не по доброте, а чтобы папу лишний раз уязвить: вот, мол, ты, нищеврод, даже сластей дочерям не купишь. Эти его подачки я всегда подкидывала папе на папиросы.

Дядя Фред был женат на маминой сестре, тете Вере. Тетю Веру я тоже терпеть не могла, потому что она только и знала, что соседей хаять. Кого ни возьми, никто ей не хорош. А еще тетя Вера называла маму святой великомученицей – за то, что мама терпит папу. Явится к нам, бывало, еще когда мы жили на Карлтон-Хилл, засядет в кухне и давай лезть со своими советами. Разговоры тети Веры с мамой были как под копирку.

– Брось его, Кейт, пока не поздно, – начинала тетя Вера. – На что он тебе сдался в новом доме? Бери детей и переезжай, а это недоразумение пускай живет как знает.

- Пэт – отец моих девочек, – возражала мама.
- Раз он отец, значит, должен их обеспечивать.
- Он нездоров, Вера.
- Ничего подобного, он просто лодырь.

– Он пытался работать, но не смог.

– Мой Фред говорит, он – позор семьи.

– Извини, Вера, твоего мужа послушать, в Брайтоне половина населения – позор семьи. Так что полегче на поворотах.

Впервые подслушав такой разговор, я вечером долго ворочалась в постели. От тревоги живот разболелся. Как это – переехать, а папу с собой не взять? Я без папы с места не тронусь, не нужен мне никакой новый дом!

Папу я очень любила. Не сомневалась, что он – лучший папа на свете, но порой рядом с папой мне делалось очень-очень тоскливо, прямо до тошноты. Почему – я не знала, а только все внутри, в животе, перекручивалось, как бывает, когда срочно нужно в уборную. Иногда, особенно при дяде Фреде и тете Вере, я себя ощущала взрослой, а папа становился для меня вроде маленького мальчика. Потому что дядю Фреда от собственной важности просто распирало. Купит, бывало, жене бусы или, там, пальто или туфли, а пыжится так, будто целую страну для нее завоевал. Ну и велит: иди к Кейт, покажи обновку. Тетя Вера слушалась мужа, а мама неизменно улыбалась и говорила без тени зависти: «Вот красота, ну просто загляденье!»

Папа тогда выходил из комнаты. Я видела: ему больно, ведь сам он не может купить маме подарок. Будь у него деньги, он бы обязательно купил, тут и сомневаться нечего. И уж мама-то в новом пальто или шляпке была бы покрасивее тети Веры, этой толстухи с жиденькими волосенками и бес-

кровными губами.

Да, хоть они с тетей Верой и родные сестры, а сходства между ними ни на грош. Про маму все говорят, что она прехорошенькая и может любого заполучить, только ей-то нужен папа, и больше никто. Он один, а остальные пусть хоть пропадом пропадут – вот так и не иначе. И я молилась: «Милый Боженька, дражайшая Дева Мария, простите меня, но ведь вы оба и сами знаете, какая гнида этот дядя Фред, так почему бы вам его не раздавить?»

Дядя Фред был похож на помидор, который загнил, еще не дозрев. Физиономия желто-бурая, в бородавках, фу! И я решила: когда он умрет (хорошо бы дядю Фреда вогнала в гроб, предварительно помучив, какая-нибудь ужасная болезнь), я не буду ставить свечку за упокой его души. Я и с Бренды взяла обещание, что она тоже не будет. А вот за песика, раздавленного лошадейю молочника, я всегда ставила свечку, хотя мы даже особо не дружили с его хозяевами. Они жили на Карлтон-Хилл через два дома от нас, и однажды их песик угодил под копыта. Когда мне про это сказали, я расхохоталась – ну еще бы, ведь песик-то теперь совсем плоский, что твой блин; а потом мне было очень-очень стыдно. Потому что ужасно ведь окончить свои дни таким образом, правда?

Кроме тети Веры у мамы была еще сестра, тетя Мардж. Ее мужа звали Джоном. Они оба мне очень нравились. Своих детей у тети Мардж и дяди Джона не родилось, и поэтому они баловали нас с Брендой, иногда даже слишком. Тетя Вера

однажды назвала тетю Мардж пустоцветом. Я не поняла, что это значит, а мама тете Вере ответила: «Лучше быть пустоцветом, чем исторгнуть кусок уроды». Тут уж я догадалась: речь о Малколме, тети-Верином сыне, препротивном типе, из тех, с которыми лучше вообще не пересекаться. Малколм умудрился получить первый приз по плаванию; мама сказала, это удивительно, а я удивилась еще больше, потому что Малколм плавать не умел, я это наверняка знала, сама видела: его однажды спихнули с моста возле Шорхэм-Бич, он плюхнулся в реку Адур, и его пришлось выуживать с лодки, которая как раз там случилась. Тетя Вера потом неделю ему из постели вылезти не разрешала.

За тетей Мардж и дядей Джоном было закреплено место на рынке у вокзала – простой прилавок, с которого они торговали овощами и фруктами. Под Пасху или под Рождество, когда все закупают провизию, они сами не справлялись, и тогда им помогал мой папа, и за это дядя Джон платил ему деньги и еще давал кулек табаку. А по воскресеньям, ближе к вечеру, дядя Джон привозил нам полный ящик овощей и фруктов, правда подпорченных, но еще годных. Мама говорила, если б не Джон и Мардж, мы бы с голоду умерли. Однажды папа не стерпел и выдал: «Я бы этого не допустил, Морин, так и знай», а мама с досады как шархнет дверь – ба-бах!

Помню, выдался плохой день – мама только и делала, что хлопала дверьми, а потом и говорит:

– У тебя, Морин, три отца, и ни от одного, черт подери, толку нет.

Я не поняла, но переспрашивать не стала. Когда мама в таком настроении – дверьми хлопает, – лучше рот держать на замке. Про себя я думала: где же остальные? Ведь у всех знакомых детей строго по одному папе.

Мысль крепко засела у меня в голове. Каждый вечер, перед тем как заснуть, я прикидывала: кто эти двое других пап? Может, один из них – угольщик? Угольщику я симпатизировала, он ласково щипал меня за щеку, оставляя на коже черное пятнышко. Еще он иногда совал мне мятную пастилку – из тех, что называют друзьями рыбака. Ужас какие они противные на вкус, эти «друзья», но ведь угольщик желал мне добра. Говорил, у него в груди булькает мокрота и пастилки ему помогают. Гм, как-то не хочется иметь папу с мокротой в груди. Может, это не угольщик, а лавочник, мистер Чу? Вряд ли, а то у меня кожа была бы желтоватая, как у него. Старьевщика и молочника я сразу отмела – первый вонял, второй был лопухий.

Так я переживала и мучилась, но ни с кем своими страхами не делилась. Даже с Брендой. Потому что, если у меня три отца, одному Господу Богу известно, сколько их может быть у Брендy. И не хватало еще ей заморочиться. А вскоре я поняла, что мама имела в виду. Поняла, что это правда – насчет трех отцов.

Первый мой папа был нежный, ласковый, мудрый. Он во-

дил нас с Брендой гулять в парк. С ним мы стояли в полосе прибоа, он держал наши ладошки и учил нас «печь блинчики». Он сочинял истории, чтоб мы сладко спали, дурачился с нами и катал нас на закорках. Второй папа запирался в спальне на целые недели, и никак его было не выманить. Он же кричал по ночам, да так истошно, что мы с Брендой прижимались друг к дружке в постели. Но это бы еще ладно. Третий папа был просто кошмарен. Он хохотал слишком громко, шагал слишком быстро – мы за ним не попевали. Он однажды подбросил Бренду к потолку. Правда, поймал, но не заметил, не понял, что Бренда перепугалась. Напрасно я кричала «Прекрати!» – броски продолжались и хохот тоже. А потом он расплакался, как маленький, обнял нас до хруста костей и все бормотал: «Простите меня, простите».

Вот что они значили, мамины слова: «У тебя три отца, и ни от одного, черт подери, толку нет».

Глава четвертая

Нас с Брендой воспитывал папа – ну он ведь не мог работать, а маме приходилось убирать в богатых домах. Мы трое были неразлучны. Пока Бренда не подросла, мы сажали ее в коляску и везли к морю. Коляску нам добыл дядя Джон – нашел где-то, вычистил, служила она отлично. Правда, жуть как скрипела, но мы привыкли. Порой на обратном пути я, усталая, тоже в этой коляске устраивалась, а Бренду брала на колени. Вообще, пляж был нашим любимым местом – песка для куличиков сколько угодно, да качели, да горка. Если у папы имелось хоть несколько пенсов, он покупал нам билетики на карусель – железную дорогу, где малышам разрешали звонить в колокольчик. Еще там были два пруда, побольше и поменьше, и тропинка между ними. Мы любили растянуться на земле и наблюдать за крабами. Всегда рядом околачивались мальчишки – ловцы крабов. Привяжут кусочек бекона к ниточке и бросают в воду. Мы таким не занимались – крабы куда милее, когда плавают на свободе. Помню, Бренда шептала им: «Не троньте бекон!»

Но самый лучший пляж был чуть подальше – пройти берегом, залезть на каменную стену и спрыгнуть прямо на гладкие камешки. Особенно здорово, если попадешь во время отлива. Тогда песок блестит под солнцем – отливает золотом и серебром, а вода отступает, да не вся сразу, а какими-то

извилистыми ручейками – глядеть не наглядеться. Мы, бывало, разуемся, шлепаем по песку и хихикаем – так щекотно песок скользит между пальцев.

Папа часто рассказывал про свою родную Ирландию, про городок под названием Йол. У папы было девять братьев и сестер, но в Ирландии остались лишь две сестры. Старшая, Мэри, регулярно писала папе, и он читал нам ее письма вслух.

– Остальных по белу свету разметало, по всем четырем сторонам, – говорил папа. – Я сам тянул с отъездом сколько мог. Потому что лучше места, чем Йол, просто нет.

– Вот бы нам с Брендой отправиться в Ирландию, – сказала я.

– Да, это было бы хорошо. Мы бы вместе взобрались на холм.

– На какой холм, папа?

– Город Йол лежит у подножия большого холма. В детстве я частенько забирался на самую вершину. Стою, бывало, и воображаю себя королем – будто у меня и замок есть настоящий, и глядится он в реку Блэкуотер. Никогда мне это занятие не надоедало.

– А почему ты не поедешь в Йол, к тете Мэри?

– Где ж я деньги-то возьму? Ведь надо не просто ехать – надо плыть по Ирландскому морю. А главное, разве я оставлю моих девочек и их маму?

Помню, мне очень-очень захотелось раздобыть денег на

билет – чтобы папа снова забрался на холм и взглянул на реку. Такими были для нас долгие летние дни, когда солнце ласкает кожу, а синее небо кажется бескрайним.

Когда наступала осень, мы гуляли в парке. Папа собирал сухие листья, потому что нам с Брендой нравилось прыгнуть на такую вот кучу, да чтобы листва взлетела облаком. Папа, бывало, смотрит, смотрит, а потом возьмет да и сам прыгнет, да еще полные пригоршни листьев захватит и давай их насыпать над нашими головами. Листья красные, оранжевые, бурые, липнут на пальтишки, застревают в волосах. Возвращались мы в коляске. Дорожка была усыпана листвой так густо, что шороха ее под колесами не заглушал даже фирменный скрип.

Зимой нам нравилось дожидаться непогоды, чтоб ветер завывал и дождь хлестал. Тогда мы надевали пальтишки и спешили к морю. Вот это была игра так игра – самая лучшая! Встанем на променаде у самого ограждения, лицом к волнам, за руки возьмемся и ждем. Волна надвигается, сейчас разобьется о железное ограждение, окатит пеной – тут не зевай, отскакивай, желательно с восторженным визгом, и пусть пена попробует дотянется, замочит твои ботинки.

А весной мы отправлялись в Саут-Даунс². Собирали цветы и бегали в догонялки с неопрятными овцами. По траве коляску везти не будешь – колеса вязнут, и папа нес Брен-

² Возвышенность в южной Англии. С конца XIX в. является точкой притяжения для туристов, представляет огромный археологический интерес.

ду на закорках. Так мы поднимались на Дьяволову Дамбу³ и смотрели вниз. Перед нами простиралась долина с крошечными деревушками. Налюбовавшись, папа ложился прямо на траву, закуривал, а вскоре и засыпал, а мы с Брендой плели венки из маргариток. Проснувшись и увидев нас в этих венках, папа спрашивал: «А куда подевались мои девочки? Их подменили! Теперь у меня две принцессы-малютки!» Тут мы прыгали ему на грудь, и начиналась потеха – кувырканье и всякая возня.

Так текла наша жизнь. Во всякое время года, во всякую погоду мы находили себе занятие и были счастливы. Ну почти. По большей части. Малютка Бренда хлопот не доставляла, никогда не капризничала. И я наверняка знала: случись папе учудить – Брендю не затошнит, как меня. Потому что Бренда любит его и доверяет ему безоговорочно. В этом смысле она была папе лучшей дочерью, чем я. Моя сестренка еще не доросла до того, чтоб стыдиться папы, – она его просто принимала со всеми особенностями. Что до папы, мне кажется, порой он смотрел на себя моими глазами, а такое не на пользу ни осуждающему, ни осуждаемому. Например, моя неприязнь однажды открылась папе, когда мы поехали с ним кататься на трамвае. Редкое развлечение: папа катал нас, только когда ему удавалось заработать немножко денег у

³ Англ. Devil's Dyke – гряда холмов, окружающая долину. Легенда гласит, что это работа дьявола, желавшего прорыть канал к морю и затопить юг Англии в отместку за то, что местные жители приняли христианство.

дяди Джона и тети Мардж. Стоило нам с Брендой оказаться в трамвае, мы мчались по лесенке на верхнюю палубу. Неважно, какая погода: с моря дул вечный ветер, и с каким наслаждением мы подставляли ему лица – пусть треплет наши волосы, а мы будем смотреть на роскошные виллы, что, в свою очередь, глядят на море. Для полноты ощущений папа на ходу сочинял истории про обитателей этих вилл.

– Видите, во-он там, в саду, играет маленькая девочка?

Мы округляли глаза:

– И что ты про нее знаешь, папочка?

– На самом деле она – бедная сиротка. Ее приютили богатые тетя с дядей.

– Они ее не обижают, правда, папа?

– Ничуть. Детей у них нет, и они в племяннице души не чают.

– Души не чают, – прошептала Бренда.

Такая у нее была слабость – новые слова и выражения. Бывало, услышит что-нибудь и повторяет потом неделями к месту и не к месту.

Трамвай уже миновал дом с девочкой-сироткой, а я развернулась на сиденье, все смотрела на нее. Вдруг папа позвонил в звонок – сигнал вагонновожатому, чтобы остановился. Никогда раньше мы не выходили в этом месте, среди садов и вилл. Однако я молча помогла Бренде спуститься, а папа вынес коляску.

– Куда мы пойдем, папа?

– Терпение, Морин. Сейчас увидишь.

И папа мне подмигнул. Он почему-то выбрал большущий белоснежный дом. Открыл калитку, вошел и двинулся по подъездной аллее прямо к парадному крыльцу, толкая перед собой коляску. Я семенила следом.

– Что ты задумал, папа? Давай вернемся!

Так я лепетала, просила – да только зря. Меня стало тошнить. С утра папа не являл никаких признаков того, что днем выкинет фортель, и я не волновалась. Думала, сегодня у меня папа как папа. А он, извольте радоваться, катит Бренду в скрипучей коляске прямо к роскошному особняку!

Господи! Он уже на крыльце – в звонок звонит! Правда, никто ему не открывает.

– Папа, пойдем отсюда, – взмолилась я.

В эту секунду дверь отворилась. На пороге, облизываясь, словно его отвлекли от обеда, стоял толстяк – пузо в брюках не помещается, в глазах подозрительность и брезгливость.

Папа коснулся лба, словно приподнимая несуществующую шляпу, и начал:

– Простите за беспокойство, сэр, я лишь хотел поинтересоваться насчет...

У толстяка стало такое выражение физиономии, будто папа только что вылез, как червяк, из-под камня.

– Чего вам?

– Я насчет кукольной колясочки, сэр.

– Кто вы такой вообще? Что вы делаете у меня в саду?

И тут из дома послышался женский голос:

– Кто пришел, Питер?

– Побродяжка какой-то, не иначе из этих, из кочевников⁴.

Спрашивает про кукольную коляску.

– Побродяжка, – прошептала Бренда.

Мне захотелось садануть этого жиртреста прямо в пузо. Мой папа никакой не побродяжка и не кочевник, он ничуть не хуже всяких, которые живут в белых особняках. Нет, папа лучше, гораздо лучше! Я потянула его за полу пальто:

– Папочка, пойдём отсюда!

В это время женщина сама вышла, а толстяк исчез в доме. Женщина заулыбалась. Вроде добрая, подумала я про нее.

– Чем вам помочь?

И голос тоже добрый, и интонация. Папа снова коснулся лба. Мне стало за него стыдно. Зачем он так, ведь перед ним вовсе не королевская особа.

– Я, хозяйюшка, заметил кукольную колясочку в вашей живой изгороди.

Ужас! Какая она папе «хозяйюшка»?

– Вот и думаю: а может, колясочка вам без надобности? – продолжал папа. – Коли так, мои дочки очень были б вам благодарные.

Хоть бы земля разверзлась подо мной! Не нужно мне ни-

⁴ Так называемые «кочевники», или «белые цыгане», по обычаям сходные с цыганами, но этнически к ним не принадлежат. Как и цыгане, «кочевники» вызывают недоверие обывателей, порой заслуженное.

какой коляски. Бренда, наоборот, оживилась, глазенки заблестели.

– Колясочка! Для кукол!

Женщина присела на корточки, коснулась Брендиной щечки.

– Как тебя зовут?

– Колясочка! – повторила Бренда.

Женщина поднялась и улыбнулась папе:

– Что ж, если вы дадите себе труд извлечь коляску из колючих кустов – она ваша. Пользуйтесь. Все равно я хотела ее выбросить.

– Благодарствуем, хозяйюшка.

– Надеюсь, ваши дочери будут с удовольствием катать в ней кукол. Моим племянницам она в свое время очень нравилась. Хорошо, что старая вещь еще послужит.

И мы с папой полезли в ежевичные заросли, не без труда достали коляску. Она была грязная, ее сорняки оплели, а одно колесико держалось на честном слове.

– Ну не прелесть ли, а, девочки? – изрек папа.

– Ну не прелесть ли, – повторила Бренда.

Прелесть, черт ее возьми, подумала я. Денег больше не было, вернуться домой на трамвае нам не светило. И мы начали долгий обратный путь: папа катил Бренду, оглашая окрестности скрипом, а я толкала кукольную коляску, боясь, как бы не отлетело колесико.

Глава пятая

Мы с Брендой думали, всегда так будет: мы трое вместе, игры, прогулки. Но однажды мама сказала:

– Пэт, купи для Морин туфли – со следующего понедельника она идет в школу.

Потрясенный, буквально убитый этой новостью, папа почти на неделю заперся в спальне. Новые туфли мы выбирали с тетей Мардж. Однако в понедельник утром папа вышел – умытый, побритый, одетый подобающим образом – и объявил, что готов отвести меня в школу.

Школа носила имя святой Марии Магдалины, до нее от нашего старого дома на Карлтон-Хилл было совсем недалеко. Брендю мы взяли с собой. Пока шли морским берегом, папа ни слова не проронил. Я тоже молчала. Не потому, что боялась школы, – ничего подобного. Наоборот, я дожидаться не могла занятий. Тем более что новенькие туфельки так и сверкали: я то и дело на них косилась, очень довольная. Скоро узнаю много интересных вещей, думала я, и наверняка с кем-нибудь подружусь – это же здорово. Конечно, я люблю папочку и Брендю, только дома мне порой грустно и тревожно и поэтому стыдно. А это тяжело – стыдиться родного отца.

Вот мы пришли. Возле школы уже было полно детей, пап и мам. Некоторые дети ревели в голос или хныкали, жались к родителям. Вот глупые! Их же в школе учить будут, а не

вешать!

И тут я подумала: а как же Бренда? Вдруг, пока я буду на занятиях, папу постигнет приступ тоски и он запрется в спальне? Кто тогда присмотрит за моей сестренкой? Или еще хуже – выпадают ведь такие дни, когда папа громко хохочет, а через минуту обливается слезами. Может, маме теперь придется брать Брендю с собой на работу – и, уж наверное, ни одна из богачек, для которых мама убирает комнаты, не обрадуется, увидав у себя в саду скрипучую коляску с чужой девчонкой. Я присела на колени и сказала Бренде:

– Сегодня я иду в школу, но это не на целый день. К ужину я вернусь, мы вместе будем пить чай, слышишь, Бренда?

– В школу, – повторила Бренда.

Тут со школьного крыльца спустилась дама с колокольчиком в руках и принялась трезвонить, командовать громким голосом:

– Всем детям построиться в две шеренги! Мальчики отдельно, девочки отдельно!

Я поцеловала Брендю и обняла папу.

– Не ходи, если не хочешь, солнышко, – сказал папа, словно взмолился.

– Нет, я как раз хочу в школу. И пойду.

– В школу, – снова повторила Бренда.

Папа обнял меня в ответ. Да так крепко, что я едва дышала. Все дети уже построились, я не хотела отставать, выделяться с первого дня. Задергалась в папиных объятиях. У

папы взгляд стал тоскливый, и меня привычно затошнило.

– Присматривай за Брендой, папа. Свози ее на море.

Дети гуськом направились к школьным дверям. Я еле сдерживалась, чтобы не крикнуть: «Отпусти меня! Пожалуйста, отпусти!» Дама снова зазвонила в колокольчик.

– Просьба всем родителям покинуть школьную территорию. Приходите за детьми ровно к четырем!

– Или в парке погуляй с Брендой, ладно, папа? Ну, уходи же! – прошептала я.

Папа крепче прижал меня к груди, потом отпустил и побрел прочь. Я его фигуру еле различала – слезы застили мне глаза.

Никого из детей во дворе уже не было. Осталась только дама с колокольчиком.

– Пойдем, деточка, – сказала она, приблизившись. – Школа – совсем нестрашное место.

Хотелось бросить: «А я и не боюсь! Это мой папа боится!» И было очень досадно. Теперь эта важная дама решит, что я плакса и нюня. Она взяла меня за руку, так мы и вошли в школу. Там, внутри, были вешалки-крючки. Дама показала, где мой крючок, я повесила пальто, и она повела меня в класс. Я все еще злилась, в животе было нехорошо. Вот бы папа просто сказал: «Удачного тебе дня, Морин!» – так нет же.

– А у нас тут маленькая трусишка! – Вот с какими словами меня ввели в класс и оставили стоять перед целой толпой

незнакомых ребят.

Я прямо чувствовала, как на меня таращатся, а сама глаз поднять не смела, только думала: «Ну спасибо тебе, папочка! Удружи!»

Вдруг раздался голос:

– Я ваша учительница.

Тогда я подняла взгляд. Что за красавица – белокурая, синеглазая!

– Меня зовут мисс Филлипс. А как твоё имя?

– Морин О’Коннелл, – почти прошептала я.

– Ну так вот, Морин О’Коннелл, тебе тут нечего бояться.

Видишь свободное место? Там и садись.

Я кивнула. Села и осмотрелась. Решила, что в классе очень нарядно. Стены желтые, окна высокие, солнечный свет так и льётся. Кругом картинки – изображения святых угодников, а на полочке даже есть миниатюрный Ноев ковчег со всеми живыми тварями, какие туда уместились, и каждой твари – по паре. На столе я нашла новенькие карандаш и тетрадку. А рядом со мной, оказалось, сидит девочка с длинными рыжими косами. Она мне улыбнулась и представилась:

– Меня зовут Моника Молтби.

Я не могла не улыбнуться в ответ:

– А меня Морин О’Коннелл.

– Будем с тобой дружить?

У Моника все лицо было в оранжевых веснушках, и они очень шли к ее морковным волосам. Какая славная, подума-

ла я про нее, а вслух сказала:

– Ага.

– Как самые лучшие подружки? – уточнила Моника.

– Ага, самые лучшие.

Мисс Филлипс все стояла у доски, тоже улыбалась нам – всем сразу.

– А теперь, дети, – заговорила она, – давайте познакомимся. По очереди называйте свои имя и фамилию, а я их буду записывать на доске. Мое имя – мисс Филлипс, его я напишу первым.

Некоторые дети выкрикивали свои имена, словно имели дело с толпой глухих, другие шептали еле слышно. Мы с Моникой назвались как положено – не слишком громко, но и не тихо.

Моя очередь прошла, я теперь сидела и слушала, как представляются остальные: «Мейбл», «Джанет», «Сирил», «Стенли». Меня стало отпускать, живот успокоился. Новые туфли жали, потому что тетя Мардж купила мне заодно и новые носки, причем длинноватые, и папа, обувая меня, не до упора мои ноги в них сунул, а оставил приличный край носка, подвернув лишнее под пальцы.

Со стены мне улыбалась Пречистая Дева. Я сняла туфли. Вот теперь хорошо. Увы, радовалась я недолго – ровно до того момента, как услышала совсем рядом знакомый скрип: папа катил Брендину коляску, и даже не по школьному двору, даже не под окнами, а прямо по школьному коридору!

Глава шестая

Три дня кряду, пока я была в классе, папа торчал возле школы. Откуда я знала, что он рядом? Очень просто: папиросный дымок тянулся вверх, поднимался над стеной – я отлично его видела. На каждой перемене папа вкатывал коляску на школьный двор и пил из фонтанчика, но не прежде, чем подходил к какой-нибудь учительнице и, коснувшись воображаемой шляпы, говорил просительно: «Мне бы, сударыня, дитя водичкой напоить – дозволите?» И ясно было, что учительнице это не по нраву. А потом папа направлялся прямо ко мне. Допустим, у нас с Моникой игра в разгаре – откуда ни возьмись появляется папа. Коляска скрипит, у Бренды личико бледное, несчастное. Видно, что озябла и устала.

На третий день меня прорвало:

– Отвези ее домой, папа, или на пляж! Ни тебе, ни Брендe здесь не место. Смотри, ей холодно! Ты вообще ее кормил?

– Нет, Морин, мы за тобой приехали. Без тебя мы ни шагу, верно, Брендa? Вместе на пляж поедem, ты ведь любишь бывать на взморье, Морин?

– На взморье, Морин, – пролепетала Брендa.

– Нельзя. Занятия еще не кончились. И вообще, мне нравится в школе, папа. Я должна быть здесь. А ты должен заботиться о Брендe!

Папин взгляд сделался печальным.

– Мы по тебе скучаем, Морин.

Я едва не разрыдалась – такой папа был красивый, такой любимый. Все в нем было мне бесконечно дорого, даже запах маргарина от черных волос.

– Я тоже скучаю по тебе, папочка, – прошептала я. – Но мне нравится в школе, и у меня новая подружка. Ее звать Моника, она рыженькая и очень славная.

– Моника, – повторила Бренда.

– Обещай, что свозишь Бренду в парк или на пляж – куда-нибудь, где она сможет побегать и согреться. И не забудь покормить ее.

Папа коснулся моей щеки:

– Клятву даю.

– Клятву даю, – важно и печально повторила Бренда.

И под скрип коляски они покатали прочь. Я глядела им вслед, а Бренда обернулась и стала махать мне ручонкой.

Ну вот, уехали, можно усесться на лесенке, что ведет к игровой площадке, и сколько влезет задаваться вопросом: почему от любви так грустно? Любовь – это ведь про счастье, уют, беззаботность и все в таком духе, разве нет? А вовсе не про колики в животе и не про слезы, которые того и гляди потекут в три ручья.

Подошла Моника, села рядом, взяла меня под локоть:

– Красивый у тебя папа. И добрый, это сразу видно.

– Да, он такой. Только он нездоров.

Никогда раньше я не говорила этого вслух. И про себя не

говорила тоже, не думала этими вот словами.

А тут поняла: все так, папа болен. Мне не объясняли, что конкретно с ним неладно, почему он не может работать, как другие папы. В смысле, когда человек болеет, этого же не спрячешь – простуда у него, к примеру, или живот расстроен. С папой ничего подобного. У него и ноги в полном порядке. Не то что у нашего соседа, который на костылях, – он ногу в бою потерял, когда сражался за короля и Отечество. Устроиться бы папе на работу! Он бы тогда утер нос дяде Фреду с тетей Верой, небось, живо бы заткнулись. Почему он не работает? Я его люблю до сердечной боли, но порой меня зло берет. На папу гавкают, а ему и оправдаться нечем. Даже мама – и та не сдерживается, скандалит, кричит. Хоть бы кто-нибудь объяснил насчет папиного недуга, так нет же. Хорошо, не надо объяснений, но пусть папа будет доволен жизнью – мне и этого хватит. Да только я знала, чуяла: не бывать ему довольным, никогда не бывать.

Однако обещание свое папа сдержал – больше с Брендой возле школы не появлялся. Я вдобавок заявила, что по утрам провожать меня не надо – я буду ходить в школу с Моникой, это удобно, она живет от нас через две улицы.

От школы я была в восторге. Там пахло мелом, потрепанными книжками и детьми – отличный был запах, по моему мнению. Я и к учительнице привязалась. Она говорила, что я очень способная, лучше всех в классе читаю и сочиняю истории. Насчет историй до меня даже Моника с ее-то фанта-

зией недотягивала. Наверно, это была папина заслуга – он меня еще раньше выучил грамоте, еще когда мы целые дни проводили у моря.

Нас с Моникой назначили в классе старостами. Моника следила за раздачей молока, я была ответственна за остроту карандашей. Бывало, точку карандаши, а сама стараюсь гнать мысли о папе и Бренде.

Вскоре открылось позорное. Да, папа больше не караулил меня возле школы, но теперь он подпирал стену напротив особняка, где прибиралась мама. Я бы и не знала, да однажды вечером мама закатила папе скандал.

– Господи, Пэт, ты что, хочешь, чтобы меня с работы выгнали? Ты этого добиваешься, да? – Так кричала мама.

Папа отмалчивался.

– И меня выгонят, это как пить дать! Моей хозяйке уже соседи жаловались. Я, Пэт, чуть со стыда не сгорела.

– Прости, Кейт. Больше это не повторится.

– Да уж, надеюсь.

– Мне тоскливо без Морин.

– Знаю, милый, только нельзя вечно держать ее при себе.

Морин необходимо общение со сверстниками. Иногда мне кажется, слишком уж большой груз мы взвалили на ее хрупкие плечики. Так что, Пэт, не порти ей детство.

О маме я думала куда реже, чем о папе. Как-то не очень понимала, насколько тяжело ей приходится с уборкой у богачей. Скорее мои мысли имели следующее направление: все

из-за папы, вот если бы он работал, мама была бы всегда дома, как тетя Вера, заботилась бы о Бренде. Конечно, папа не причинит вреда моей сестренке, то есть нарочно – ни в каком случае. Но ведь на него порой «находит»: он выкидывает разные фортели, может забыть, что Бренде всего-то три годика. Да, я была слишком занята тревогой за папу, чтобы еще и в полной мере осознавать: бедная моя мамочка бьется как рыба об лед.

Как бы то ни было, я решила облегчить маме жизнь. По утрам сама заправляла постели – свою и Брендину, а случись Бренде обмочиться, переодевала ее в чистые панталоны, а постельное белье скатывала и тащила на первый этаж. Мама это заметила, ее лицо теперь чаще освещалось улыбкой – к моей огромной радости.

С Моникой мы и впрямь стали лучшими подругами. На другой год, когда перешли на ступень выше, снова сели вместе. По выходным прихватывали из дому хлеб с маргарином и бутылочку воды и бежали к морю. Почти всегда приходилось брать с собой и Бренду – сначала ее коляска скрипела на весь квартал, потом мы еле толкали ее по галечному пляжу. Бывало, на нас вешали еще и братишку Моники, маленького Арчи, и мы не возражали. Арчи прекрасно играл с Брендой, сидя на камушках. Моника не расставалась с панамкой – ее мама говорила: у кого волосы рыжие и веснушек много, тот должен бояться солнца, а если не уберется – поджарится, будто ломтик бекона.

Бренда обожала море. Мы с Моникой заправляли пла-
тьишки в наши темно-синие панталоны, разувались и захо-
дили в воду по колено, держа Бренду за ручки. Тут главное
– не зевать. Не подхватишь, не поднимешь сестренку вове-
ря – волна накроет ее с головой. А сколько визгу было, ко-
гда нам панталоны подмачивало! Потом мы устраивались на
деревянном волноломе, ели бутерброды, по очереди отхле-
бывая воду из бутылки, дивясь на купальные машины⁵ – со-
оружения вроде кибиток, где богачи переодевались для куп-
пания. Влекомые лошадьми, эти «кибитки» ввозили купаль-
щиков в море – так, миновав линию прибоя и не натрудив
камнями ног, можно было спокойненько спуститься прямо
в воду по лесенке. Ну и костюмчики у них – просто смех,
думали мы и хихикали, конечно. Дамы купались в хлопча-
тобумажных платьях поверх длинных панталон, но это бы
еще ничего. Куда забавнее были мужчины в полосатых трико
и соломенных шляпах-канотье. Порой какую-нибудь шляпу
уносило ветром, она качалась на волнах, тогда мы с Моникой
бросались ловить ее. В случае успеха каждой из нас давали

⁵ Так у автора. Действие происходит в 30-е гг. XX в.; к этому времени купаль-
ные костюмы для женщин представляли собой нечто вроде комбинезона-шортов.
Первый раздельный купальник появился в 1932 г. Что до купальных машин, они,
во-первых, были уже не в ходу, а во-вторых, дети не могли видеть, как из них по
лесенкам спускаются в воду купальщицы, ибо машину разворачивали проемом
к морю, а не к берегу, как раз для того, чтобы никто не наблюдал за процессом
купания.

в награду апельсин.

Бренда подросла, и мы наконец-то забросили проклятую коляску. Бренда теперь семенила за нами следом, довольная донельзя. Помню папин тоскливый взгляд – в нем прямо-таки светилось собачье «Возьмите и меня!», когда мы собирались на пляж. Но мне стукнуло семь – такой большой девочке не пристало гулять с папочкой. Отец Моники ни разу не выразил желания сопровождать нас. Я перед выходом из дома грустнела. Мне хотелось броситься обратно, крикнуть: «Папа, папуля, давай с нами!» – но что-то мешало. Моники видела, какая я притихшая, но не спрашивала о причинах. Думаю, ей и так все было ясно.

Глава седьмая

Бренде исполнилось пять, и она тоже пошла в школу. По-баивалась, но я ей сказала:

– Нечего трястись, Бренда. У тебя будет лучшая на свете учительница – самая красивая, самая добрая. Ее зовут мисс Филлипс. Стены в классе желтые, на полочке Ноев ковчег, в нем звери – до чего ловко из дерева сделаны, прелесть! Тебя научат чтению и письму, ты станешь умной. А на переменках, пожалуйста, прибегай к нам с Моникой, вместе будем играть. Короче, не бойся.

Мама не разрешила папе вести Бренду в школу – не хотела повторения спектакля, который папа устроил в мой первый школьный день.

* * *

Папа снова затосковал. На сей раз ему было до того плохо, что его забрали на скорой помощи. Увезли от нас в лечебницу. На улице собралась толпа мальчишек. Любопытные ублюдки, это разве занятно, когда человек болен? Я им язык показала, а санитары велели разойтись. Потом я проплакала до утра. Мама взяла меня к себе в постель, гладила по голове, обнимала. Всячески старалась внушить, что ни-

чего ужасного не случилось.

– Не печалься, родная. Доктора о папе позаботятся. Он поправится и вернется домой.

– А можно мне его навестить?

– Вряд ли. Детей в лечебницу не пускают. А мы вот как сделаем. Я тебя и Брендю с собой возьму. Вы там погуляете по саду – все-таки побудете ближе к папе.

– Ладно, – сказала я и наконец-то заснула.

* * *

Тете Вере, конечно же, было что сказать, но у нее всегда, по любому поводу имелись комментарии. Помню, сидим мы с Брендой за вечерним чаем, и вот она, тетя Вера, всплывает в комнату – ни дать ни взять лебедь. Довольством лучится и прямо с порога выдает:

– Я, Кейт, обойдусь без фразы «А я тебя предупреждала», только я ведь и впрямь тебя предупреждала. Я всегда говорила: этот человек окончит свои дни в психушке.

– Здесь дети! – прошипела мама.

– Тем лучше. Разве не пора им узнать, каков на самом деле их дражайший папочка?

Мы с Брендой так и застыли с набитым ртом.

– Вот что, Вера. Хоть ты мне и родная сестра, а только запомни: еще слово про моего мужа скажешь – я тебе на плешивую твою головушку весь суп вылью, целую кастрюлю. Ру-

ка не дрогнет, так и знай.

Тетя Вера побагровела и пулей из кухни вылетела. Еще и дверью хлопнула – шарах! Правда, во дворе остановилась и напоследок отчеканила:

– На нашу с Фредом помощь можешь больше не рассчитывать, Кейт О’Коннелл. Ты сама себе судьбу выбрала – вот теперь и выживай как умеешь.

А мама – молодчина! – распахнула дверь и кричит тете Вере:

– Да, я выбрала судьбу, и моя судьба – Пэт О’Коннелл. И я его ни на кого не променяю, а уж тем более на жирного индюка по имени Фред. Как ты только с ним в одну постель ложишься, а, Вера?

И мама нам улыбнулась – широкой, удовлетворенной улыбкой.

– Видит Бог, девочки, я долго сдерживалась, ну да зато нынче все ей высказала, что думаю!

Мы с Брендой тоже заулыбались и продолжили ужин.

* * *

Лечебница была в двенадцати милях от Качельного тупика, в городке под названием Хейвордс-Хит. Увы, как бы мама ни хорохорилась, а денег на трамвай для нас троих ей бы не хватило. Чтобы ее не огорчать, я сказала: не беда, я и дома посижу. Хотя мне прямо-таки запала эта мысль, насчет

близости к папе.

Мама растрогалась:

– Ты у меня умница, Морин.

На помощь пришел дядя Джон. Просто сунул руку в карман, извлек десять шиллингов⁶ и вручил маме. Мама стала отнекиваться:

– Нет, Джон, я не могу принять эти деньги.

– Еще как можешь, Кейт. И примешь. Я же от сердца даю.

И вообще, мы родня, а значит, друг за дружку горой стоим. Ты бы точно так же поступила, если бы мы с Мардж нуждались.

– Конечно, Джон, – заверила мама.

– Ну так бери деньги. Поезжайте к Пэту все втроем. Кстати, Мардж просила передать: если ты не против, она бы тоже поехала.

– Мама, пожалуйста, пусть тетя Мардж едет с нами, – взмолились мы.

– Скажи ей, Джон, что я буду только рада. И спасибо вам обоим. Такое не забывается.

Дядя Джон снова полез в карман. На сей раз в его ладони появились два леденца «заткни-рот»⁷. Дядя Джон изобразил удивление:

– Это еще откуда взялось? Сами они, что ли, ко мне в кар-

⁶ 10 шиллингов равняются 50 пенсам, то есть половине 1 фунта стерлингов.

⁷ Круглые леденцы до 8 см в диаметре, крайне популярные у британских детей в первой половине XX в.

ман запрыгнули? Не иначе так и было, когда я мимо конди-терской проходил.

Бренда вытаращила глаза.

– Правда?

– Не будь глупышкой, – сказала я. – Дядя Джон их просто купил. Ты ведь их купил, дядя Джон?

Он только заулыбался и погладил нас с Брендой по голове.

– Спасибо, Джон, – выдохнула мама.

* * *

Проехать трамваем целых двенадцать миль, оказаться в совершенно новом месте – да это ведь настоящее приключение. Мы с Брендой сразу полезли на верхнюю палубу, а мама с тетей Мардж уселись внизу. Я пустила Бренду к окошку – пускай глядит на деревеньки, коров и лошадок, что на склонах холма кажутся совсем игрушечными. Если возле дороги случался мальчишка, он обязательно корчил нам рожицу, и мы в долгу не оставались. Потом солнце стало сильнее припекать через стекло, и меня сморил сон.

Наконец трамвай остановился в Хейвордс-Хит. Мы с Брендой вышли, а тетя Мардж спросила вагоновожатого:

– Не знаете, где здесь лечебница, сэр?

– Это которая? Психушка, что ли?

Тетя Мардж не ответила, только взглядом его чуть не продырявила.

– Что такое психушка? – спросила Бренда.

Мама взяла ее за ручку, а меня стала чуть подталкивать, чтобы шла побыстрее.

– Ничего. Забудь это слово, Бренда.

Нам встретилась женщина с коляской. Мама спросила, где лечебница, а мы с Брендой стали улыбаться малышу, прищмокивать губами и все такое прочее. Очень он нам понравился – такой забавный, в ротике пустышка, щечки надуты, как у хомячка. Мама тоже заглянула в коляску:

– Какой хорошенький у вас сыночек.

Женщина рассердилась, глаза сверкнули досадой.

– Это девочка!

И она пошла прочь, а тетя Мардж выдала громким шепотом:

– Если девочка, чего тогда она вся в голубом?

Тогда женщина остановилась и говорит:

– Лечебница вон там, на холме. Мимо не пройдете.

И правда, никто бы мимо не прошел, такая огромная оказалась эта лечебница. И точь-в-точь как тюрьма, даром что настоящей тюрьмы я никогда не видала. Мне сделалось жутко и Бренде, наверно, тоже, потому что она стиснула мою руку. Я ей улыбнулась ободряюще, а она прошептала:

– Это психушка, да?

– Ничего подобного. Это нормальная больница, тут хорошие доктора, они скоро вылечат папу.

Все вчетвером мы двинулись по широкой аллее к главно-

му входу. Крыльцо было высокое, а возле крыльца – башня с часами, жуть, да и только. Больница смотрела на нас множеством одинаковых маленьких окошек – они шли рядами, один над другим. Вот когда я порадовалось, что детям нельзя внутрь! Мама с тетей Мардж растерялись. Наверно, им тоже не хотелось переступить больничный порог. Тетя Мардж вымучила улыбку:

– Мы ненадолго, девочки.

– Я передам папе привет от вас обеих, – пообещала мама, а я попросила:

– Скажи ему, чтоб поскорее выздоравливал.

– Поскорее выздоравливал, – эхом отозвалась Бренда.

Под нашими взглядами мама с тетей Мардж открыли массивную дверь и исчезли за ней. А мы бегом помчались вниз по холму и сели под раскидистым деревом.

Бренда зевнула. Я прислонилась к стволу и сказала:

– Ложись головкой ко мне на колени, поспи немножко.

Отсюда, снизу, лечебница казалась еще громаднее. Было пугающе тихо – до такой степени, что мы слышали шелест листьев и возню птичек. Где же люди? – думала я. Где папа? Может, за одним из этих окошек стоит, наблюдает за нами? Может, сегодня его отпустят домой – вот выйдет мама и он следом? Денег ему на трамвайный билет должно хватить. Ужасно, что папа в таком месте. Если бы в лечебницу забрали меня или Бренду, папа наверняка поселился бы прямо на этом холме. С места не сошел бы, пока бы нас, уже здоровых,

не выпустили. Потому что он у нас такой. Храбрый. Не то что я. Меня здесь и днем-то знобит от страха, что говорить про ночь!

Брендина головка на моих коленях стала тяжелой – уснула сестренка, значит. Пока она спала, я глядела на небо сквозь ветви и листву и молилась о папином выздоровлении.

* * *

К тому времени как мама с тетей Мардж, оступаясь на склоне и поддерживая друг дружку, приблизились к нам, мои ноги вконец занемели. Вздумай я резко встать – они бы точно подкосились. Бренда крепко спала. Я принялась ее трясти.

– В школу пора, да?

– Мы не дома, сестренка. Неужто забыла, что мы поехали навещать папу?

Бренда села, потеряла глаза:

– Мне тут не нравится, Морин.

– Мне тоже. Чертовски жуткое место.

– Чертовски жуткое, – повторила Бренда.

Мама с тетей Мардж уселись рядом с нами. Обе они улыбались – я решила, это добрый знак.

– Папе лучше? – спросила Бренда.

– Лучше, милая, – ответила мама.

– А что доктора говорят? Отпустят они папу с нами? У

нас и деньги есть папе на трамвайный билет – ты им про это сказала, мама? – зачастила я.

– Нет, Морин. Папа еще не готов ехать домой.

Я смотрела на ряды окон и растирала затекшие лодыжки.

– У папы ничего не болит? Его не обижают? Ты передала ему привет от меня, мама?

– Дважды «нет» и один раз «да», Морин, родная. Папа идет на поправку, привет я ему передала, а он просил вас с Брендой сказать, что очень вас любит.

– Мне тут тоскливо, мама, возле этой больницы.

Тетя Мардж обняла меня:

– Мне тоже, Морин.

И тут раздался Брендин голосок:

– Чертова психушка!

Глава восьмая

Потом уже мама нас в лечебницу не брала. Мне хотелось быть поближе к папе, но я с мамой не просилась, потому что после первого визита меня стали мучить кошмары – будто под взглядами одинаковых окошек я вбегаю в темный коридор, он вьется и ветвится, бесконечный, пустой, и папы нигде нет. Я просыпалась с криком. Мама вела меня на кухню и отпаивала горячим какао. Короче, с тех пор по выходным она ездила к папе одна, а мы с Брендой помогали тете Мардж и дяде Джону на рынке.

Мама будила нас еще затемно. Мы надевали пальтишки, туго заматывали шарфы, натягивали перчатки. На крыльце поджидала тетя Мардж. За руки она долго вела нас пустынной улицей, а мама, стоя в дверях, махала вслед. На рынке мы оставались с тетей Мардж за прилавком. Дядя Джон бежал с тележкой туда-сюда, подвозил товар. Мне нравилось помогать тете и дяде, но весь день, пакуя по бумажным кулкам яблоки, груши и помидоры, я думала о папе. Перед глазами так и стояла картинка: папино лицо в оконной глазнице.

Папу лечили долго, очень долго. Я ужасно по нему тосковала. Мы с Брендой ходили в церковь – просить за него Пресвятую Деву Марию. Иными словами, мы ставили свечки возле ее изваяния. Очень оно нам нравилось. Дева Мария, в чудесном длинном-предлинном синем платье, в белом

покрывале, с улыбкой простирала руки, будто говорила: давайте ко мне, я вас обниму. Куда приятнее было глядеть на нее, чем на распятого Иисуса; особенно пугали струйки крови из ран, нанесенных терновым венцом. То ли дело младенец Иисус в яслях, такой душка! Не то чтобы я не любила Иисуса. Любила и жалела, что ему так больно висеть на кресте. Но между Ним и Его матушкой мы с Брендой всегда выбирали последнюю.

Вообще-то, прежде чем взять свечку, следовало сунуть в щель денежку, но я была уверена, что Господь Бог мелочиться не станет. Ему ведь все-превсе известно; Он понимает: денег у нас нету ни пенни, мы почти нищие. Я молилась святому Фаддею, потому что он покровитель пропащих; на других святых в папином деле я не полагалась. А что папа – пропащий, мне было известно со слов тети Веры. «Дорогой святой Фаддей, – шептала я. – Пусть мой папа станет как другие папы, найдет работу и купит маме меховое манто». Мне хотелось, чтобы папа вернулся домой, да только не таким, каким я его знала. С другой стороны, рассуждала я, мой папа все же лучше, чем папа Моники, угрюмый рыжий бородач, грубиян, только и знает, что рывкать на своих домашних и дымить самокрутками. Моника рассказывала, как однажды от самокрутки у ее отца вспыхнула борода и миссис Молтби пришлось выплеснуть на мужа целый чайник чаю, вот смех-то.

Впрочем, сколько ни хихикай над мистером Молтби, а от

главного факта – что он домашний тиран – не открестишься. Мне казалось, Моника боится своего отца. Напрямую я никогда ее не спрашивала, как и она не любопытничала о моем папе.

Я очень привязалась к Монике. Потому что не было девочки добрее, потому что Моника никогда не морщила нос, если нам приходилось брать на прогулки Брендю. Наоборот – нянчилась с ней как с родной. Словом, лучше подруги и не пожелаешь.

* * *

Оказалось, что мы живем в трущобах: если б не бумага из городского совета, мы бы об этом и не догадывались. Ту бумагу – письмо – мама прочла нам вслух. И вот что там было сказано: город Брайтон решил избавиться от трущоб, есть специальный план. Карлтон-Хилл будет уничтожен, всех жителей переселят на городскую окраину. Иными словами, наш старый дом сровняют с землей. Мама, читая, только что не смеялась от радости, а вот папа расстроился:

– Мне здесь нравится, Кейт, – до моря рукой подать.

– Ничего. Зато теперь Саут-Даунс будет под боком, – ободрила мама.

– Новое место сулит перемены во всем, – возразил папа.

– И это прекрасно, Пэт! Здесь стены вечно сырые, в детской плесень на потолке. Не о чем жалеть, Бога надо благо-

дарить.

Но я-то знала, почему папа не рад переезду. С тех пор как Бренда пошла в школу, он совсем раскис. Тосковал без нас обеих, и только долгие одинокие прогулки по пляжу немного его утешали.

– В Саут-Даунсе очень красиво, папа, – сказала я. – Только подумай: каждый день после школы мы будем гулять по холмам. Там овечки пасутся, правда, они грязные, но это ничего.

– Конечно, родная, – согласился папа.

Мама спрятала письмо в комод и произнесла:

– Или, может, ты бы предпочел дожждаться, пока тебе на голову потолок обрушат строительной грушей?

– Ну и язва ты, Кейт, – вздохнул папа.

– Я только хочу сказать, Пэт: хватит ныть. Нам шанс дают, даже не нам с тобой, а нашим девочкам. И я этот шанс не упущу, так и знай. Обеими руками уцеплюсь, а не отдам своего. Сам подумай, что за жизнь здесь у Морин и Бренды? Наши дети достойны лучшего. День, когда этот кишашщий крысами район исчезнет с лица земли, станет для меня личным праздником.

– Здесь уже много лет никто не видел ни единой крысы, – возразил папа.

– Это потому, что в дырище вроде нашей даже крысам тошно. Не иначе они еще пару месяцев назад собрали пожитки да и были таковы, получше что-то себе подыскали.

Папа прыснул, за ним стали хихикать мы с Брендой. Через минуту к нам присоединилась мама. Здорово было смеяться вот так, всем вместе.

– Ладно, Кейт, твоя взяла, – сдался папа. – Мы переедем в новый шикарный дом поблизости от Саут-Даунса, и наша жизнь отныне будет легка и приятна.

Мама улыбнулась:

– Спасибо за понимание, родной.

– А где он, наш новый дом? – спросила Бренда.

Мама вынула письмо из комода, перечла.

– Вот он, адрес: Качельный тупик, пятнадцатый номер.

Мы с Брендой принялись прыгать и кричать:

– Качельный тупик, Качельный тупик! Наш новый дом – в Качельном тупике!

Папа и мама тоже сделали по паре прыжков. От счастья у меня сердце едва не лопнуло.

Глава девятая

Но это лишь в тот день. Потом я загрустила. Нет, по старому дому я скучать не собиралась, от нового дома ждала чудес. Но я вспомнила про Монику. Молтби живут на соседней улице – с ними-то как будет? Впрочем, через несколько дней они тоже получили письмо. Оказалось, их переселяют в наш новый район, значит, расставаться с Моникой не придется, ура!

Зато пришлось расстаться со школой. Через неделю после переезда нас определили в католическую школу. Она была далеко от Качельного тупика, мы теперь ездили трамваем. Папа порывался ездить с нами, но мама его не пустила. Сказала: «Опять разволнуешься, и вообще, нечего тебе там мелькать». Вдобавок мама еле наскребала денег нам с Брендой на билеты, куда уж было кататься на трамвае еще и папе! Я видела, что мама недовольна. Зачем нам католическая школа, когда буквально за углом есть обычная, нисколько не хуже, а может, и лучше? А ничего не поделаешь. Выходя за папу замуж, мама обещала священнику, что детей воспитает добрыми католиками. А ведь обещание священнику – это все равно что обещание самому Господу Богу, по крайней мере, папа так говорил. Ну и вот, у папы с мамой получился смешанный брак (по словам тети Мардж).

Что до тети Веры, она свой брак называла не иначе как

обреченным.

А я рассуждала следующим образом: появишься у мамы возможность, хотя бы крошечная, она бы это дурацкое обещание нарушила. И не мне ее судить. Потому что католическая церковь как учит? А вот как: мой папа-католик, когда умрет, отправится прямиком на Небеса. Там у него будут крылышки и собственная арфа, а маме светит околачиваться у райских врат. Едва ли ее впустят, а уж арфу точно не дадут. Чудовищная несправедливость! Вот у Моники и папа, и мама оба католики, а значит, для ее мамы врата сразу откроются. Хотя это еще не скоро. Пока была и хорошая новость: нам с Моникой предстояло учиться в одной школе.

Новая школа находилась при монастыре Святого Сердца, учили нас монашки – все в длинных черных платьях. По коридорам они передвигались глядя строго себе под ноги, а длинные покрывала были словно крылья у них за плечами. Попадались среди наших наставниц милые, улыбочивые, а попадались и сердитые, ворчливые.

– Не понимаю, – говорила Моника, – чем они недовольны. Монашки ведь – жены Христовы. Вот ему, Христу, после всех крестных мук не хватало только выслушивать ворчание сварливой жены!

Наша наставница была как раз из ворчуний. Сестра Концепта Аквинат – вот ее имя. Впору язык сломать. Впрочем, мы решили, это справедливо: нечего на такую злоку тратить хорошие имена. Нас она называла маленькими варварами и

не иначе. Крикнет, бывало: «Кто из вас, маленькие варвары, бумажки по полу разбросал?» – и линейку свою берет. А линейка длинная. Собиешься, отбарабанивая катехизис, – получаешь линейкой по пальцам. Мы с Моникой сразу его назубок выучили, этот катехизис, потому что каждое утро у нас начиналось с хорового чтения.

– Кто тебя сотворил?

– Господь меня сотворил.

– С какую целью тебя сотворил Господь?

– Дабы мне познать Его, возлюбить Его и служить Ему в сем мире и блаженствовать подле Него в мире ином.

Мы и половины не понимали, но отвечали без запинки, потому и были у сестры Аквинат на хорошем счету.

Классу, в который попала Бренда, досталась в наставницы сестра Мэри Бенедикт – не только добрая, но еще и красивая, как артистка. Бренда ее обожала, а я радовалась за сестренку. Что до Моника, она сразу сказала:

– Ладно хоть с одной женой Иисусу Христу повезло, а то хоть домой не приходи! Ради сестры Мэри Бенедикт можно и Аквинатшу потерпеть при себе.

В этой католической вере сплошные нестыковки, думала я. Например, что касается младенцев, которые умерли некрещеными: почему, спрашивается, они попадают в лимб? Младенец ведь не может сам себе на темечко полить святой воды – значит, он и не виноват, и несправедливо, что ему до скончания времен теперь маяться в этом самом лимбе. Мы

спрашивали папу, а он отвечал: не задавайте вопросов, просто верьте наставницам и священнику. А мама говорила: так не годится, девочки, всё подвергайте сомнению. Ну и кого тут слушать?

Мы с Моникой записались в хор. Вот где была сплошная таинственность. Все гимны на латинском языке, ни словечка не поймешь. Ну и пусть. Зато музыка просто волшебная. Мы пели в церкви по воскресеньям, а потом шли за причастием. К священнику выстраивалась целая очередь – мы с другими детьми стояли в центральном нефе, и все прихожане на нас смотрели, будто мы важные особы. Брендю в хор не приняли по малолетству. Вместе с папой она ждала в парке, пока кончится утренняя месса и я освобожусь. Я выходила из церковных ворот, мы качались на качелях и съезжали с горки, а потом спешили домой. Мама к тому времени готовила вкусный обед. Пение, причастие, качели и обед – вот за что я любила воскресные дни.

Я не теряла надежды, что в парке встречу Джека, только он, похоже, туда и не заглядывал. Однажды я рассказала про него Монике.

– Неужели тебе нравится мальчишка?

– Он не такой, как остальные, Моника, совсем не такой.

– И в чем же разница?

Я потеряла переносицу – так лучше думалось.

– Это трудно объяснить. Наверное, дело не в нем самом, просто, когда я на него смотрю, у меня в животе словно пу-

зырьки булькают.

– Тебя тошнит, что ли?

– Да нет же! При чем тут тошнота?

– При том, что тогда тоже все внутри булькает и наружу просится. Фу!

– Ничего у меня наружу не просится. И Джек – никакого не фу.

– Нет, ну а что ты все-таки чувствуешь?

Я закрыла глаза и стала припоминать.

– Знаешь, – сказала я наконец, – это вроде Святой Троицы. Непонятно, а чудесно.

– Три человека в одном – вот что есть Святая Троица. – Моника заговорила тоном сестры Аквинат. – Это просто, и лишь маленькие варвары, которые дурно учатся и ленятся, ничего не могут уразуметь.

Всегда Моника меня смешила, причем вроде совсем без усилий.

– Короче, я, когда вырасту, выйду за Джека замуж, если так тебе понятнее.

– Что ж, счастья вам обоим в семейной жизни.

– Спасибо за добрые пожелания, Моника Молтби.

– Пожалуйста, Морин О’Коннелл. Обращайся, если что. –

И Моника смешно скосила глаза.

Я так и прыснула:

– Вообще-то я не шучу.

– Насчет чего?

– Насчет выйти за Джека.

– И кто же осчастливит его этой новостью?

– Я сама и осчастливлю. Вот стукнет мне шестнадцать, тогда и скажу.

– Для него это будет сюрприз – надеюсь, приятный. Еще надеюсь, что до тех пор твой Джек не встретит другую девушку.

– Не волнуйся, не встретит.

– Откуда такая уверенность?

– Просто он мой суженый.

– А!.. Ну, если суженый, тогда конечно.

Возвращаясь из школы, я сразу бежала в сад и занимала место на своем наблюдательном пункте. Глядела на Джека – наглядеться не могла. Подмечала каждую подробность: как Джековы золотистые волосы ложатся на воротник, как он почесывает маленькое нежное местечко у себя за ухом. Он меня не видел, он думал, что рядом никого нет. Он отдавал команды своим солдатам и сам же за них по очереди отвечал, а я млела от его голоса. Мне казалось, я весь день могу просидеть на дереве – мне не наскучит, не захочется поесть или в уборную. Ничего мне не надо, кроме Джека. Я раздвигала ветки и смотрела, смотрела... Однажды папа сказал, что скоро листва облетит и тогда меня станет видно с земли. Я об этом как-то не думала.

– Что же мне тогда делать, папа?

– Что же Морин тогда делать? – эхом повторила Бренда.

– Если хочешь, могу просверлить дырку в заборе, – с улыбкой предложил папа.

Я его обняла:

– Ты лучший папа на свете, так и знай.

– А ты лучшая дочка на свете, Морин.

– А я? – пискнула Бренда.

– Ты тоже, родная. Вы обе мои самые любимые девочки.

– Не бывает так, чтобы двоих любить одинаково.

– Бывает. Потому что у папы очень-очень много любви.

– И на маму хватит? – уточнила Бренда.

– Конечно, – заверил папа.

Мне нравилось, когда Джек был один. Ни с кем я его делить не хотела, а уж тем более с этим замурзанным Нельсоном в рваном джемпере. Однажды у меня нога соскользнула, я едва не упала и, наверно, наделала шуму, потому что Нельсон поднял голову, пихнул Джека локтем и зашептал ему на ухо. Джек посмотрел вверх и крикнул:

– Эй, там! Покажись!

– Покажись! – повторил Нельсон.

Вот черт! Кое-как удерживаясь при помощи одной руки, я стала вытаскивать из штанов подол платья. Не хватало, чтобы Джек увидел мои штаны. Ладно бы хоть воскресные – так нет же, был будний день, и штаны на мне были штопанные-перештопанные. Наконец я справилась с платьем, раздвинула ветки и выглянула.

– Ты что, шпионишь за нами? – крикнул Джек.

– Нет! – Я хотела ответить нормальным голосом, но он куда-то пропал, и вышел жалкий писк.

– Что? Говори громче, тебя не слышно! – велел Джек.

– Тебя не слышно! – повторил Нельсон.

Джек что-то шепнул ему на ухо, а меня спросил:

– Знаешь, что бывает со шпионами, когда их ловят?

– Я не шпионка, – возразила я, откашлявшись. На сей раз получилось громко.

– Нет, ты шпионка! Берегись – нос твой любопытный оторвут!

– Нос любопытный оторвут! – повторил Нельсон.

Вот паршивец! Еще грозитя!

– Слушайте, у нас тут свободная страна, это дерево растет возле моего дома, а значит, я имею право делать на нем что захочу!

– А ты бойкая, – одобрил Джек и улыбнулся.

Я тоже ему улыбнулась. Какой он был красивый! И насчет глаз я не ошиблась – они и правда оказались синие-пресиние. Я только досадовала на Нельсона – шел бы он восwoяси, оставил бы меня с Джеком.

– А почему я тебя в школе не видел? – спросил Джек.

– Потому что я хожу в школу при монастыре Святого Сердца.

– Значит, тебя пингвины учат?

– Какие пингвины?

– Ну как же! Эти монашки – они ведь в черно-белом, вот

и похожи.

– И впрямь!

– Как тебя зовут?

– Морин О’Коннелл. А тебя?

Конечно, я уже знала его имя, да он-то не знал, что я знаю!

– Ты ведь шпионка – вот и выясни, – усмехнулся Джек.

– Так нечестно. Я ведь назвалась, значит, и ты должен.

– Чем докажешь, что ты не шпионка?

– А ты чем докажешь, что ты не идиот?

– Он не идиот, – встрял Нельсон.

– А тебя вообще не спрашивают, – оборвала я.

Нельсон не нашелся с ответом.

– Можешь не говорить. Я все равно знаю, что твое имя – Джек.

– Вот ты и попалась. Если знаешь, стало быть, шпионила за мной.

– Ничего не шпионила. Просто у меня хороший слух. Джек рассмеялся:

– Меня зовут Джек Форрест.

– Очень приятно познакомиться, Джек Форрест.

– Мне тоже, Морин О’Коннелл.

– А его как звать? – Я кивнула на Нельсона.

– Сама и спроси.

– Имя ему дали в честь знаменитого адмирала. А фамилии я не слышала.

Нельсон мялся – назвать свою фамилию или нет. Джек его

подбодрил:

– Скажи ей – соседка все-таки.

Нельсон пролепетал что-то невнятное.

– Как-как? Чего мямлишь?

Тогда он выкрикнул:

– Перкс!

– Приятно познакомиться, Нельсон Перкс.

Нельсон сверкнул на меня глазами.

– Есть у тебя братья, Морин? – спросил Джек.

– Нету. Только младшая сестра.

– Жаль, – сказал Джек.

– Жаль, – повторил Нельсон.

Я смерила его взглядом:

– А ты всегда попугайничаешь?

Даже сверху было видно, как Нельсон смутился. Глаза опустил, принялся ковырять землю носком ботинка. Наконец прошептал:

– Нет.

– А похоже, что всегда.

Джек засмеялся, и я расхрабрилась:

– То есть своего ума у тебя нету, а, Нельсон Перкс?

Он поднял взгляд и выдал:

– Ты просто глупая девчонка.

– Зато не попка-дурак.

– Мне домой пора, – буркнул Нельсон и поплелся к калитке.

Джек сник:

– Ты моего друга обидела. Теперь мне не с кем играть.

– Ничего, переживешь.

С этими словами я спрыгнула на землю и побежала прочь.

В дом я влетела, улыбаясь от уха до уха. Папа что-то помещивал в кастрюльке.

– У тебя, Морин, вид как у кошки, которой сливок дали.

– Представляешь, папа, он со мной говорил!

– Кто с тобой говорил?

– Соседский мальчик, да, Морин? – догадалась Бренда.

– Он самый.

– И теперь он твой жених?

– Пока нет, но это дело времени. Мы поженимся и будем жить долго и счастливо.

– Как Золушка и Принц?

– Вот именно.

– А можно я на твоей свадьбе буду подружкой невесты?

– Конечно, Бренда!

– Кем же я тогда буду? – спросил папа.

– Подружкой невесты номер два, – улыбнулась я.

– Э, нет! Я, лопааясь от гордости, поведу тебя к алтарю, доченька моя дорогая.

– Честно, папа?

– Честно-пречестно.

И вдруг вся моя радость улетучилась. Папа сел рядом со мной:

– Что не так, родная?

– Я обидела Нельсона.

– Кто такой Нельсон?

– Это друг Джека. Я его обзывала.

– И он заплакал? – встревожилась Бренда.

– Нет, но все равно...

– Это хорошо, что не заплакал, – рассудила Бренда.

– Почему ты обидела Нельсона, Морин? – спросил папа.

Я пожала плечами:

– Сама не знаю.

Это была неправда. Все я знала. Мне хотелось порисоваться перед Джеком, явиться остроумной и находчивой, чтоб не думал, будто я какая-нибудь глупая надоеда. Но я не придумала ничего лучше, чем обидеть при Джеке его самого близкого друга, и вот мне расплата – стыд взамен радости. Во все я не остроумная и находчивая, а просто злая. Тем вечером, уже в постели, я думала про Джека – до чего он красивый, и какой у него приятный голос, и какая чудесная улыбка. Я старалась вспомнить каждую мелочь, и у меня почти получилось. Но вдруг, когда я уже проваливалась в сон, меня словно толкнули – перед глазами очень явственно возникло несчастное, обиженное лицо Нельсона, в ушах зазвучало: «Своего ума у тебя нету» и «Зато не попка-дурак». И образ Джека рассыпался, и восстановить его в памяти я не сумела.

Глава десятая

Виноватая перед Нельсоном, я с тех пор всячески выказывала ему дружелюбие. Догадалась, что Джек дорог Нельсону не меньше, чем мне. Одной из любимых забав у мальчиков была игра в шарики. Иногда они делали нам с Брендой одолжение – разрешали тоже поиграть. У нас шариков не было, и Нельсон уступал мне свои, причем самые красивые, и учил меня правилам игры. Чем больше я с ним общалась, тем больше убеждалась, что он очень хороший. Нет, конечно, до Джека ему далеко, с Джеком вообще никто не сравнится, но Нельсон добрый и не затаил на меня обиду, что, без сомнения, сделал бы любой другой мальчишка. Придя в церковь, я ставила две свечи – как и раньше, за песика, раздавленного лошадьёю молочника, а теперь еще и за Нельсона. Джек был у нас заводилой, мы с Нельсоном ему в рот глядели. Моника тоже прониклась к Нельсону. Мне даже стало казаться, что Нельсон ей больше по сердцу, чем Джек. Может, они с Моникой поженятся, когда вырастут. Это было бы здорово – я и Джек, Моника и Нельсон, мы бы поселились в одном доме и дружили бы всю жизнь.

Выяснилось, что Джек и Нельсон – ровесники и они всего на год старше нас с Моникой, а я-то думала, Джеку больше лет. Ни у того ни у другого не было ни братьев, ни сестер – наверно, поэтому они и подружились. Нельсон однажды ска-

зал, что Джек ему все равно что родной брат. Меня досада взяла. Впрочем, узнав Нельсона поближе, я перестала ревновать.

Интересно, думала я, сколько у нас с Джеком родится детей? Моника говорила, ей хочется двоих – мальчика и девочку и чтобы мальчик непременно был старшим. Я заранее выбрала имя для дочери – Маргарет Роуз, в честь принцессы, которая только-только появилась на свет. А Моника сказала, что свою дочь назовет Элизабет Александра Мария – ведь если выбирать из двух принцесс⁸, то, конечно, старшая куда предпочтительнее. Я помалкивала, а про себя прикидывала: нет, такое громоздкое имя хорошо только для особы королевских кровей. Живешь ты, к примеру, во дворце, у тебя полно слуг, нарядных платьев и прочего – пожалуйста, зовись на здоровье Элизабет Александрой Марией. А вот если твой дом в Качельном тупике, с таким имечком тебя засмеют. Да что там, его и не выговорит никто. Вот так притязания, оказывается, у нашей Моника! Это словечко – «притязания» – я подцепила у лавочника. Очень оно мне нравилось. Лавочник, мистер Чу, употребил его по отношению к одной нашей соседке: вот, мол, притязания у дамочки – курорт Брайтон ей негод, она отдыхает исключительно на острове Уайт.

⁸ Речь идет о дочерях короля Георга VI, который на момент повествования носил титул принца Альберта, герцога Йоркского. Его младшая дочь, Маргарет Роуз, родилась 21 августа 1930 г., а старшая, нынешняя королева Великобритании Елизавета II, – 21 апреля 1926 г.

Имена-то мы своим будущим детям выбирали, а вот как эти самые дети получаются, у нас с Моникой не было ни малейшего понятия. Одна девочка из нашего класса, Ширли Грин, утверждала, что малышей приносит аист. Едва ли, думали мы: уж наверное, мы бы хоть разок заметили над пирсом аиста с младенцем в клюве. И тогда обязательно сообщили бы полисмену. Руфь Уоткинс располагала другими сведениями – будто бы детей в больнице раздает сиделка, причем они у нее расфасованы по черным мешкам. Допустим. Тогда как бедняжки умудряются не задохнуться? По версии Кристины Уорд, чтобы забеременеть, достаточно поцеловаться с мальчиком. Чушь! Если бы так, за Джули Бакстер бегал бы уже целый выводок малышей. Впрочем, рассудили мы с Моникой, без мальчиков тут все же не обходится. Вопрос: каким именно образом они причастны к деторождению? Спрашивать святых сестер бесполезно – что они могут знать, они ведь сами бездетные! Даже сестра Мэри Бенедикт, которая с виду точь-в-точь артистка, – и та явно не знает. Оставалось строить догадки.

– Ты бы, Морин, спросила своего папу, – однажды посоветовала Моника. – Он бы тебе врать не стал.

А ведь это дело, подумала я: папа всегда правдиво отвечает на любые мои вопросы. И вот я дождалась дня, когда мы с папой и Брендой пошли на прогулку. Собралась с духом и выпалила:

– Папа, скажи, откуда берутся дети?

Папа как раз курил. От моего вопроса он неудачно вдохнул дым и жестоко закашлялся. Я даже испугалась, что он вообще задохнется.

– Кто-кто берется, Морин? – наконец вымучил папа.

– Дети. Младенцы.

Папа поскреб в затылке, и волосы у него стали дыбом – он забыл про маргариновую смазку.

– Видишь ли...

– Я знаю про младенцев! – заявила вдруг Бренда.

– Ты? Не может быть!

– А вот и может.

– Ну и откуда они берутся?

– Сестра Мэри Бенедикт говорит, что детей посылает сам Господь, потому что они – Его благодать. Сестра Мэри Бенедикт наверняка знает, она же Господу Богу – жена.

Папа выдохнул с облегчением:

– Это истинная правда, доченька.

А меня объяснение Бренды не удовлетворило. Господь посылает, ха! Нет, здесь всё куда сложнее. И я непременно выясню что да как.

– Ладно, Бренда, допустим, ты права. Но ведь как-то же младенец попадает к маме в животик?

– Бог вдвухает его через соломинку, – не моргнув глазом, выдала Бренда.

– Глупости, – отрезала я.

– Ничего не глупости. Верно, папа?

– Кто тебе это сказал, милая?

Бренда прикусила губу:

– Не знаю.

– Потому что это чепуха, – объявила я.

Бренда не сдавалась:

– Ну а как, по-твоему, они в животик попадают? Как?

– Я пытаюсь выяснить. Уже давно выяснила бы, если б ты хоть на минутку закрыла рот.

Теперь мы обе буравили папу глазами. Он молчал, и мы в один голос воскликнули:

– Ну папа!

Он присел на корточки и стал возиться со шнурками ботинка – будто все никак не мог правильно их завязать. Наконец откашлялся и говорит:

– Вы лучше у мамы спросите, девочки.

– Сам знаешь, что она не ответит. Ведь не ответит, а, папа?

– Ну-ка напомните папе, сколько вам лет?

– Мне почти девять, – сказала я.

– А мне скоро семь, – похвасталась Бренда.

– Вот стукнет тебе шестнадцать, Морин, тогда и спросишь.

– ШЕСТНАДЦАТЬ!

– Да, не меньше.

– Значит, это что-то запутанное, про младенцев? – рассудила Бренда тоном столь серьезным, что мы с папой так и прыснули.

– Да, родная, очень-очень запутанное.

– Так я и думала, – мрачно подытожила Бренда.

Папа вдруг пустился бежать.

– Айда за мной, девочки! Будем скатываться со склона!

Ну и вот, этим мы полдня и занимались вместо того, чтобы выяснять насчет детей.

* * *

Позднее мы с Моникой сидели рядышком на качелях.

– Знаешь, я спросила папу, а он обещал рассказать, когда мне стукнет шестнадцать. Только я все равно не верю ни в аиста, ни в сиделку с черными мешками.

Моника перестала раскачиваться, откинула свои рыжие косы и говорит:

– Мне кажется, в этом деле без пиписки не обходится.

Я даже лицо прикрыла ладонью – так мне стало гадко.

– Ты правда так думаешь?

– Да, Морин.

– Но с чего ты это взяла?

Моника почти улеглась на качелях. Теперь ее косы едва не подметали землю.

– Просто мозгами раскинула.

– Я никогда не видала пиписки.

– А я видала.

– Да ну?

– Я видала братишку голеньким, когда он был со-всем малыш.

– Ну и на что она похожа?

– Она... она похожа... – раздумчиво начала Моника.

Я ее оборвала:

– Слушай, мы еще не ужинали, так что ты лучше пока не рассказывай.

– Как знаешь.

– По-моему, нам про это еще гадать и гадать, Моника.

– Точно, Морин.

Отныне я, когда смотрела на Джека, думала только про то, что пиписка имеется и у него. А ведь был еще Нельсон. И папа, и дядя Фред, и дядя Джон, и молочник, и угольщик, и лавочник; кого ни возьмешь – у каждого пиписка! Бренде я ничего не говорила – не надо ей про такое знать, она еще маленькая. Ладно хоть нам с Моникой хватило ума не спросить о младенцах святых сестер!

Глава одиннадцатая

Бренде исполнилось семь – пора было ей принять первое причастие. Сама я приняла первое причастие еще в старой школе, в Карлтон-Хилл. Это не так-то просто. Причащают не всех подряд, а лишь тех детей, которые сподобились благодати. Лишь таким дают вкусить Тела Христова, и то сначала надо целый год ходить на исповедь. Кто не исповедовался накануне, а в воскресенье принял от святого отца себе на язык облатку (она и есть Тело Христово, или Святые Дары), тот совершил смертный грех. И еще перед таким делом нельзя завтракать, поэтому на мессе только и слышно, как бурчат голодные животы, и громче всех твой собственный.

Исповедь – она в чем состоит? Залезаешь в такую кабинку вроде платяного шкафа и оттуда рассказываешь святому отцу про свои прегрешения – так я объяснила Бренде. У нее даже мордашка вытянулась со страху.

– А какие у меня прегрешения, Морин?

– Я-то почему знаю?

– Что ж тогда говорить святому отцу?

Я усмехнулась:

– Придумай что-нибудь.

– То есть солгать? Это же грех.

– Пожалуй. Только меня почему-то до сих пор молнией не убило.

– Ав чем ты каешься?

– Рассказываю, что солгала, что в лавке стащила конфету, что была непочтительна с папой и мамой. Обычные проступки, ничего особенного.

– А если я их не совершала, тогда что?

– Молчать все равно нельзя, Бренда. Раз ты сидишь в исповедальне, значит, хочешь не хочешь, а говори. Наври с три короба, а потом скажи, что тебе очень-очень совестно. Зато в следующий раз покаешься во лжи – и это будет чистая правда.

– Ну а дальше?

– Дальше святой отец отпустит тебе грехи и наложит на тебя епитимью.

– Что это – епитимья?

– Господи, Бренда, ты вообще ничего не знаешь?

– Откуда мне знать, если я не бывала на исповеди?

– И впрямь. Короче, епитимья – это такое наказание.

– Святой отец меня выпорет?!

– Не бойся, не выпорет. Он велит тебе прочесть несколько молитв, и все.

– Морин, а ты со мной не посидишь в этой кабинке?

– Нет, Бренда, придется тебе сидеть одной. Кабинка – она тесная, вдвоем мы просто не поместимся.

– А там темно?

– Да не трепыхайся ты! Дело недолгое. Больше пяти минут никто из ребят не исповедуется. Разве только Дэнни Денни

– у него куча прегрешений, пока все перечислит! А ты как зайдешь, так и выйдешь.

– Ладно. А какие молитвы велит читать святой отец?

– Тут есть одна хитрость, Бренда.

– Что за хитрость?

– Допустим, тебе велено пять раз прочесть «Аве Мария», так ты один раз прочти перед алтарем, а уж остальные четыре раза – по дороге домой. Потому что, если будешь долго торчать у алтаря, все подумают, что ты великая грешница и место твое в геенне огненной. На кой тебе такая дерьмовая репутация?

– На фиг не нужна.

– Знаешь что, Бренда? Язык у тебя чертовски грязным становится.

– Даже не представляю, от кого я плохих слов нахваталась? – выдала Бренда с улыбкой, и я обняла ее.

– Ах ты моя хрюшка-повторюшка!

* * *

Той весной мне сравнялось девять, и мама объявила, что устроит настоящий праздник. Прежде мой день рождения не отмечали, а тут вдруг... Словом, мама позволила пригласить друзей, и я, конечно, позвала Джека, Нельсона и Моникку. Волновалась я безмерно, дни считала. Тетя Мардж сшила мне платье из тафты – темно-синей в мелкий белый горо-

шек. Никогда у меня не было столь изысканной вещи – ни среди платьев, ни вообще.

Помню, я застыла перед зеркалом, не веря собственным глазам, и тут вошла мама. Остановилась за моей спиной, руки мне на плечи положила. Теперь мы отражались обе, словно на картине, и улыбку мамину я видела в зеркальном стекле.

– Растет моя доченька, – произнесла мама.

– Мне идет платье, мамочка?

– Еще бы. Ты у меня красавица, что снаружи, что в сердечке. Я тобой очень горжусь.

Я обернулась, обняла маму за талию. От нее шел чудесный домашний запах. Я уселась перед зеркалом, и мама занялась моими волосами. Сначала долго-долго расчесывала их. Волосы стали совсем как шелк, кончиками щекотали мне щеки и веки. Потом мама отложила щетку и ладонями отвела волосы от моего лица. Я сомлела, замерла, боясь спугнуть наслаждение. Порой мама, причесывая меня, вся подавалась вперед и губами касалась моего темечка. Руки у нее были очень сильные. И совсем не мягкие. Наоборот – от постоянных уборок, от мытья и натирания полов, от стирки на богачек, вообще от нескончаемой борьбы с чужой грязью мамыны руки загрубели, кожа вечно была воспаленная, вокруг ногтей заусенцы. Но, когда мама меня причесывала, все ее мозоли, трещинки и цыпки куда-то девались – по крайней мере, я их не чувствовала. Для меня у мамы была только

нежность.

Мама соорудила хвост, повязала синюю бархатную ленточку – все очень аккуратно, чтобы не причинить мне боли. А потом, когда прическа была готова, мамины пальцы пробежались по моей шее, приглаживая волосы, которые не попали в хвост. Мама всегда так делала – это был наш с ней ритуал. И если в такие минуты не видеть ее рук, нипочем не скажешь, что они измучены тяжелой работой. Наоборот – мне казалось, на маме шелковые перчатки.

– Пойду вниз, – сказала мама. – Еще не все к столу готово.

Она ушла, а я снова уставилась в зеркало. Я и правда красивая? Папа говорит, что да. Его послушать, так Морин О’Коннелл – самая хорошенькая девочка в Качельном тупике. Но ведь подобные вещи любой папа говорит своей дочке, разве нет? А мне хотелось, ужасно хотелось быть красивой и нравиться Джеку.

Я сбежала на первый этаж, но ни в кухню, ни в гостиную меня не пустили, а выставили во двор, к тете Мардж и Бренде. Бренда расчертила дорожку мелом и сама с собой играла в классики. Я прислонилась к стене. Бренда допрыгала до меня и говорит:

– А полезли на дерево?

– Ты в уме? Я же испорчу платье!

– Вот бы и мне тоже новое платьице!

– День рождения не у тебя, а у меня.

– А у меня когда будет?

– Расслабься, до твоего дня рождения чертовски далеко.

– Мне исполнится семь, да?

– Верно.

– А платье мне сошьют?

– Почему я знаю?

Бренда сникла, и я ее обняла:

– Конечно, тебе сошьют платье, Бренда. Тетя Мардж постарается. Вот увидишь – это будет самое-пресамое красивое платье на свете.

Бренда осторожно потрогала нежную тафту.

– Не хуже твоего платья, да, Морин?

– Даже лучше.

Бренда улыбнулась и сказала серьезно и чуточку печально:

– Ты настоящая красавица, Морин.

Я потрепала ее по волосам:

– А ты – маленькая зайка.

– Ну и что ж? Зайка так зайка, – согласилась Бренда.

Тут вышел папа:

– Меня, девочки, из собственного дома вытурили. Не знаете почему?

– Потому, папочка, что мама готовит праздник для Морин. У нее сегодня день рождения, а ты, небось, и не знал!

– Seriously? – Папа скроил удивленную мину.

– Да! Морин исполняется... исполняется... Сколько тебе будет лет, Морин?

– Девять.

– Папочка, Морин нынче девять лет, и в честь нее будет праздник, а когда мне стукнет семь, для меня мамочка тоже устроит праздник, а тетя Мардж сошьет мне чудо какое красивое платье желтого цвета! – выпалила Бренда.

– И когда же случатся все эти восхитительные события? – спросил папа.

– Расслабься, папочка, до них еще чертовски далеко!

Папа взглянул на меня без улыбки и произнес:

– Ты очаровательна, доченька. Прелестна, будто с картин-ки сошла.

– Спасибо, папа.

Наверно, никогда и ни у кого не бывало лучшего дня рождения. Джек пришел такой нарядный – в белой рубашке с галстучком, в синем вязаном жилете, а главное, не в шортиках, а в брюках, как большой. Нельсон был в своем вечном коричневом джемпере, но волосы зачесал назад и смазал чем-то жирным, чтоб держались. Странное дело: при виде Нельсона у меня тоже иногда сводило живот, совсем как от папиных фортелей. Джек подарил мне брошку в форме птички – я знала, что эта птичка станет для меня величайшей драгоценностью. Моника подарила носовой платок с вышитой буквой «М». У Бренды подарка не было. Зато она стащила в кухне ломоть хлеба, намазала повидлом, завернула в обрывок газеты и вручила мне. Я ее обняла с таким жаром, словно в старую газету были завернуты сокровища британ-

ской короны. Хлеб я съела сразу, не побрезговала (хотя большая часть повидла впиталась в газетную бумагу) и сказала Бренде, что лучшего сэндвича в жизни не пробовала.

Нельсон протянул мне бумажный кулек. Внутри оказалось два «Черных Джека» и два «Бычьих глаза». Ничего себе Нельсон потратился! Разве ему такое по карману? Я сразу заявила, что это мои любимые конфеты, а Нельсон густо покраснел и стал чесать за ухом. Впрочем, видно было, что он совершенно счастлив.

– У тебя очень красивое платье, Морин, – сказал он.

Я тоже покраснела – прямо почувствовала, как щеки вспыхнули, – и ответила:

– Спасибо, Нельсон.

Конечно, лучше бы это Джек похвалил платье. На такой мысли я себя поймала и устыдилась. Нельсон ведь нищий, это по нему видно, а купил для меня дорогие конфеты. И я, желая загладить перед ним эту маленькую вину, сказала:

– А у тебя красивый джемпер.

Нельсон потупился, но вдруг широко улыбнулся.

– Еще бы. Коричневый – мой любимый цвет.

Потом мы играли в разные игры: в «море волнуется», в ручеек, в прятки и даже по очереди, улегшись на стул спиной и выгнувшись, пытались поднять с пола зубами коробку из-под сигарет.

Маминым подарком стал пирог с девятью свечками. Джек сидел за столом напротив меня, я смотрела на него сквозь

колеблющееся пламя этих свечек и млела, до того он был красивый. Тут для полноты моего счастья папа обнял маму.

Джек улыбнулся мне одной и говорит:

– Чего ждешь, Морин? Желание загадывать!

Я зажмурилась и загадала, а потом вдохнула поглубже да как дуну! Все свечки разом погасли, мама, папа, тетя Мардж, Бренда и мои друзья затаили «С днем рождения, Морин, поздравляем тебя!», а я подумала: даже если мне больше никогда не суждено отмечать день рождения – нестрашно, ведь нынешний праздник получился – просто мечта, лучше и не бывает.

Потом, уже когда гости разошлись, а мама с тетей Мардж мыли посуду, я сидела с папой на крыльце. И вдруг папа поднялся, сбегал в дом и принес какой-то сверток. Я его раскрыла – а там кукольная мебель: диванчик, столик, стульчики и кровати. Папа сам все это склеил из сигаретных и спичечных коробок. Я бросилась ему на шею и прошептала:

– Сегодня самый счастливый день в моей жизни!

А он поцеловал меня в щеку и ответил:

– И в моей, родная.

В тот вечер я положила под подушку брошку-птичку, но уже перед тем, как лечь, спохватилась и сунула туда же Нельсоновы конфеты и прочла молитву. Я благодарила Иисуса Христа, и Пречистую Деву Марию, и всех ангелов и святых угодников – они ведь постарались, сделали так, что нынче, в мой праздник, папа не выкинул ни единого фортеля и вел

себя как все нормальные папы.

* * *

Джек обожал кино. У нас с Моникой денег на кинематограф не было, но я с наслаждением слушала рассказы Джека о кинозвездах: как они живут-поживают в Голливуде в огромных особняках (при каждом – собственный бассейн) и прислуживает им куча народу. Где этот Голливуд, а где Качельный тупик! Между ними миллион миль, нет, даже не так: они вообще в разных мирах. Захлебываясь от восторга, Джек говорил о Грете Гарбо – богине киноэкрана, и о Мэри Пикфорд, удивительной красавице, и о неотразимом Кларке Гейбле. У Джека-то всегда водилась мелочь на билеты, но кино он смотрел в одиночестве, потому что Нельсон, как и мы с Моникой, был почти нищий. А Джеков папа работал не где-нибудь, а в банке: носил на службу настоящий костюм, и ботинки у него блестели, и карманные деньги он сыну выделял. Вообще славный он был, мистер Форрест: когда ни встретит нас с Брендой, непременно улыбнется и с папой говорит все о важных вещах, вроде ситуации в мире и голубей, будто папа – нормальный человек и с его мнением нужно считаться. Совсем не то миссис Форрест; она смотрела сверху вниз на всю нашу семью. Мама говорила, что миссис Форрест не по чину зазнается, а папа однажды выдал: заметили, мол, у нее выражение лица – будто она лимон жует?

Пока Джек сидел в кинозале, мы с Моникой и Нельсоном околачивались возле кинотеатра. Но вот фильм заканчивался, Джек выходил, и мы все четверо спешили к морю, устранивались где-нибудь в затишье и готовились слушать. Джек был первоклассным рассказчиком. Я закрывала глаза – словно отгораживалась от всего, кроме ропота волн, под который в моем воображении оживал фильм. Нельсону больше всего нравилось, когда Джек пересказывал вестерны с Джоном Уэйном и Гэри Купером. После таких фильмов Нельсон и Джек носились по пляжу, вопя «пиф-паф» и прячась за валунами от понарошковых выстрелов – представляли себя ковбоями. А я не обращала внимания на такие пустяки, как жанр или сюжет, для меня главным был голос Джека. Так бы, кажется, от зари до зари сидела на пляже, слушала, слушала...

Однажды Джек дал нам с Моникой по монетке – как раз на два билета в кинотеатр «Герцог Йоркский». Шел фильм «Том Сойер». Боже, что за роскошь нас поджидала внутри! Стены оранжево-розово-серые, сиденья обиты красным бархатом! Мы такого во всю жизнь не видывали. Мне сразу вспомнилось: папа говорил, что в этом кинотеатре – все равно что в великанской утробе. Я впервые услышала слово «утроба», но не спросила у папы, что это такое. Звучит подозрительно и гадко – уж наверное, без пиписок тут не обошлось, а потому лучше тему не развивать, так я решила. Погасли огни, и мужчины, бывшие в зале, как по команде

закурили. Вскоре вверх поднялись дымки от множества сигарет, стали выписывать колечки, петли и прочие зигзаги в светящемся луче прожектора. Мы с Моникой взяли за руки. Жутко было смотреть, как Том и его друзья становятся свидетелями убийства на кладбище, а потом сбегают на остров на Миссисипи. Зато мы смеялись в другой сцене – когда ребята тайком возвращаются в родной городок на заупокойную службу по себе самим, якобы утонувшим в реке. А возле кинотеатра нас поджидали Джек и Нельсон – настала наша очередь пересказывать фильм.

Мы четверо были лучшими друзьями и всюду ходили вместе. Купались в море (плевать, что вода ледяная), бегали по пирсу, рискуя свалиться, и ели жареную картошку из одного газетного кулька. Однажды я спросила Моника о Нельсоне – нравится ли он ей и поженятся ли они, когда вырастут.

– Я замуж вообще не пойду, – заявила Моника.

– Пойдешь, никуда не денешься.

– Нет уж, дудки!

– Ну и как ты тогда родишь детей?

– А на что они мне сдались?

– Ну не знаю. Ты же вроде хотела.

– Перехотела.

Вот тебе раз! А я-то размечталась: жить будем в одном доме, я с Джеком, а Моника с Нельсоном, дружить будем всю жизнь...

– Но я вовсе не против свиданий с мальчиками, – добави-

ла Моника и широко улыбнулась.

– Слава богу. А то я уж думала, ты в монашки пострижешься.

Моника уставилась на меня, словно я была о трех головах.

Глава двенадцатая

Джеку сравнялось одиннадцать, и он выдержал экзамен в грамматическую школу для мальчиков. А миссис Форрест загордилась, будто ей объявили, что ее сын – следующий в очереди на британский престол. Она даже снизошла до визита в наш дом – так ее распирало. Однажды утром поступалась в парадную дверь, хотя за два года, что мы прожили в Качельном тупике, ни разу у нас не побывала. Мы с Брендой бросились открывать. Миссис Форрест стояла на крыльце и улыбалась, но ощущение было, что эта улыбка дается ей с невероятным трудом и, того гляди, вовсе ее угробит. Подождать, у калитки, мялся Джек в новенькой школьной форме. Я ему улыбнулась, а он глаза закатил.

– Кто там, девочки? – крикнула из кухни мама.

– Это миссис Форрест! – ответила я.

Мама поспешила в прихожую, вытирая руки кухонным полотенцем.

– Милости просим в дом, миссис Форрест.

Та шагнула через порог и оглянулась.

– Джек, поди сюда.

Мама провела миссис Форрест в гостиную, подвинула ей стул. Она села, но на самый краешек, будто сиденье кишело блохами. Джек остановился за ее спиной. На лице у него ясно читалось: «Хоть бы мне сквозь землю провалиться!»

– С чем пожаловали, миссис Форрест? – пропела мама.

– Очень неловко беспокоить вас, миссис О’Коннелл. Вы не разменяете мне шестипенсовую монету?

Конечно, мы все знали, с чем конкретно пожаловала наша заносчивая соседка. Ей хотелось похвалиться Джеком, только и всего, – по такому случаю она и в форму его нарядиться заставила. Бедняга Джек себя не помнил от стыда за мать, и я ему усиленно улыбалась: пускай видит, что мне его ощущения понятны. Джек, благодарный за сочувствие, улыбался в ответ. А школьная форма и впрямь была хороша: блейзер красновато-коричневого цвета с серой отделкой и такое же кепи. Джек казался очень красивым, но по его лицу всякий бы определил, до какой степени ему неловко рисоваться перед нами.

Мама вышла и вернулась с сумочкой.

– Говорите, шестипенсовик вам разменять?

Миссис Форрест вздрогнула:

– Что?

– Вы просили разменять шестипенсовик, не так ли?

– А, да, да, просила, – вымучила миссис Форрест.

– Вам нужна мелочь на трамвай, верно? – продолжала мама.

– На трамвай?

– Мелочь, говорю, нужна для поездки на трамвае?

– Да, разумеется. Именно для этого.

Джек корчил рожи, а я старалась не рассмеяться. Еще бы,

ведь я-то в отличие от Джека стояла прямо напротив его машины!

Еще некоторое время прошло в молчании. Никто словно бы и не заметил великолепной школьной формы. Наконец миссис Форрест устала ждать похвал и поднялась.

– Нам пора, не то Джек опоздает на занятия. Некрасиво опаздывать в первый школьный день, не так ли?

Мы с мамой скроили сочувственные улыбочки, словно миссис Форрест говорила о нежелательности опоздания на первый спуск в шахту.

Едва за ней и Джеком закрылась дверь, мы принялись хохотать. Мама поджала губы и процедила, очень похоже копируя миссис Форрест:

– Некрасиво опаздывать в первый школьный день, не так ли?

У нас уже слезы по щекам текли от смеха. А потом я спохватилась. Вытерла глаза рукавом и спросила:

– Но ведь Джек не виноват, что у него такая мать?

– Конечно, Морин, Джек не виноват. Что до новой формы, по-моему, он в ней просто красавчик.

– И по-моему тоже, – кивнула я.

– Только напрасно наша соседка рассчитывала, что я скажу это вслух, – добавила мама.

Я ужасно боялась, что в новой школе у Джека появятся новые друзья и он больше не захочет водиться с нами. Но этого не произошло, хотя, уж конечно, миссис Форрест такую

надежду лелеяла. Изменилось только одно: теперь Джек был по уши в учебе и его не выпускали гулять, пока он не сделает все задания. Мы с Моникой и Нельсоном забирались на дерево – оттуда просматривалось Джеково окно. Сам Джек нам, бывало, помашет и снова утыкается в книжку. Я его жалела. Досадно ведь чудесные, долгие вечера в начале лета сидеть взаперти, за идиотской домашней работой, когда все ребята играют на улице.

Мне было хорошо в нашей компании, но куда больше нравилось проводить время с Джеком наедине. Мы обычно усаживались у нас на заднем крыльце и болтали. Ну то есть Джек говорил, а я слушала, развесив уши. Однажды он сказал:

– Вот вырасту – полечу на биплане, как Эми Джонсон.

– Это еще кто?

– Эми Джонсон – женщина-пилот. Она долетела до самой Австралии. Неужели ты о ней не слышала?

Я помотала головой.

– Ну так вот, Эми Джонсон вылетела из Англии, а приземлилась в Австралии. Притом всю дорогу была совсем одна. Уж если женщина такое совершила, я и подавно смогу.

– Что это значит – «если женщина такое совершила»? Ты на что намекаешь?

– Женщины слабее мужчин, верно ведь? Вот я и говорю: если женщине что-то по плечу, мужчина точно справится.

– А вот и нет. То есть не в каждом случае. Так что не

очень-то зазнавайся.

– Ну и в каких же таких случаях мужчина не справится?

– Например, мужчины детей не рожают. Что, нечем крыть?

– Нечем.

– Значит, ты хочешь стать пилотом, Джек?

– Это будет мое хобби. А по профессии я стану доктором.

– По-моему, в докторá только богачей берут.

– Чушь. Это всякому по силам, главное – усердно учиться.

Я и доктора из страховой кассы видела всего однажды, что уж говорить о частном враче! На таких у нас денег не водилось, а со страхкассой мы имели дело, когда захворала Бренда. Ее положили в благотворительную больницу. Думали, у нее скарлатина, оказалось – корь. Папа был категорически против больницы. Сказал: кто туда загремел, на том крест можно ставить. И торчал у больничного входа, пока Брендю не выписали. Мама его и ругала, и стыдила – не помогло, папа с места не двинулся. По-моему, он вел себя как настоящий герой. Впрочем, иного я от папы и не ждала, в его любви и преданности сомневаться никогда не приходилось. Пока Бренда болела, наши соседи по Карлтон-Хилл, даром что сами почти нищие, скинулись и купили для нее перламутровые четки, Бренда их до сих пор хранит. Словом, я отродясь не имела дела с настоящим доктором, и никто из моих знакомых ребят не мечтал об этой профессии. И вдруг мне как в голову стукнуло: если Джек станет доктором, кем я-то буду?

Известно: докторшей! Тут Джек возьми да и спроси:

– А ты, Морин, о какой профессии мечтаешь?

Боже милосердный! Да разве я мечтала? Я про это вообще не думала! И что мне отвечать теперь, когда я знаю про планы самого Джека? Едва ли я со своими скромными способностями потяну службу в магазине, а прибираться в домах богачей как-то не хочется. Скорее всего, мне светит фабрика, только Джеку в этом признаваться – последнее дело.

– Ты очень умная, Морин, – произнес Джек, потому что я молчала.

– До тебя мне все равно далеко.

– А по-моему, близко.

– Правда?

Джек кивнул:

– Нечасто встретишь такую умную девочку, как ты.

Я ему не поверила, но все равно обрадовалась. Приятно, что Джек высокого мнения о моих способностях. Поэтому я его поблагодарила.

А после сказала папе, что Джек будет доктором, а я – докторовой женой, докторшей.

– Вон, оказывается, куда он метит, твой Джек! – отреагировал папа. – Ишь как замахнулся! Доктором просто так, за здорово живешь, не сделаться. Тут нужно глас услышать, вроде того, какой слышат будущие монашки да святые отцы. Тут нужно, чтобы сам Господь направил.

Я оробела:

– А докторша тоже слышит этот самый глас, да, папа?

– Нет, докторше это не обязательно.

– Уф, чертовски легче стало. Просто камень с души.

– А вот чертыхаться докторше негоже, Морин. Давай-ка

прекращай, пока не поздно.

– Не могу.

– Почему?

– Для меня слово «чертовски» – вроде конфеты.

Глава тринадцатая

Нельсон не появлялся уже почти неделю, и мы о нем тревожились. Я говорю о нас с Моникой, потому что Джек сохранял спокойствие.

– Надо навестить Нельсона, – сказала я.

– Не надо, – возразил Джек. – Нельсон, должно быть, простудился. Ничего страшного.

– Они раньше простужался, а все равно выходил на улицу, – парировала Моника.

Джек почему-то старался не смотреть на нас, глаза у него так и бегали.

– Нельсон придет, когда сможет, – наконец выдал он.

– А что, нам нельзя к нему навеститься? Интересно, почему? – не унималась я.

– Потому, – отрезал Джек, густо покраснев.

– Дав чем дело? – поддержала меня Моника. – Что еще за тайны?

– Не лезьте, куда не просят, – процедил Джек, развернулся и зашагал прочь.

Но мы его догнали.

– И нечего на нас шипеть, – сказала я. – Нельсон – наш друг, вот мы и волнуемся. Что тут плохого?

Джек остановился и впервые с начала разговора прямо взглянул нам в лицо:

– Нельсон не обрадуется, если мы заявимся к нему домой, понятно?

– Почему?

Я ляпнула это очередное «почему» и тотчас пожалела. В Джеке шла внутренняя борьба, это было видно по лицу, Джек словно пытался прикрыть Нельсона.

– Ладно, не хочешь – не говори, – прошептала я. – Какая разница?

– По-моему, разница есть, – фыркнула Моника.

Я сделала ей страшные глаза.

– А по-моему, нет разницы.

– Ну нет так нет. Забудь, Джек.

Мы втроем пошли на лужайку, в которую упирался Качельный тупик. Там было полно ребят. Мальчики гоняли мяч, девочки сидели на траве. Мы уселись подальше от остальных.

Между мной и Моникой продолжался молчаливый разговор. Да в чем дело, как бы спрашивали мы друг друга, округляя и закатывая глаза. Джек рвал травинки по одной – вырвет и пустит по ветру. Казалось, сто лет мы уже так сидим. Наконец Джек сознался:

– Я уже ходил к Нельсону.

– Ну и чего ж ты столько времени вилял? – упрекнула Моника.

– Что стряслось с Нельсоном? – перебила я.

– Не скажу.

Я уже себя не помнила от тревоги.

– Нельсон ведь... выйдет к нам играть, да, Джек?

– Выйдет. Через несколько дней.

Вдруг меня как пронзило: я о Нельсоне почти ничего не знаю, даже элементарных вещей вроде адреса, а еще подруга! Сам Нельсон – тихоня, заводиле Джеку не чета, но, странное дело, без него грустно. По крайней мере мне. И тревога глохнет. От ужасной догадки навернулись слезы.

– Нельсона кто-то обидел? Поколотил?

– Да пойми же, Морин: у него тоже есть гордость. Что я за друг, если за глаза стану обсуждать Нельсона? Он сам расскажет, если захочет.

– Но ты ведь будешь его проводывать, Джек?

– Буду.

Я сразу поверила, ни тени сомнения не допустила. Конечно, что бы ни случилось с Нельсоном, Джек его не оставит.

* * *

Нельсон появился только через неделю. Мы притворились, будто не замечаем синяков на его лице и лодыжках. Нет, на синяки даже украдкой не было брошено ни единого взгляда, зато каждый из нас проявлял к Нельсону максимум предупредительности.

В тот вечер я плакала в подушку.

– Что случилось, Морин? – спросила Бренда.

Конечно, в новом доме у каждой из нас была своя комната, но мы привыкли спать в одной постели, и вот Бренда по вечерам прибегала ко мне, и я с готовностью пускала ее под одеяло. Это ведь так приятно, когда рядом с тобой теплое тельце младшей сестренки.

– Почему ты плачешь? – не отставала Бренда.

– Кто-то избил Нельсона.

– Кто?

– Отец, чтоб его черти взяли.

– Папе расскажешь?

– Вряд ли.

– По-моему, надо рассказать. Как же иначе?

– Спи, малышка.

Бренда обняла меня:

– Нельсон такой хороший, Морин.

Я чмокнула ее в темечко:

– Да, он очень хороший. А теперь засыпай.

Бренда зевнула:

– Надо поставить за него свечку, Морин. Пусть от нас будет две свечки – за песика и за Нельсона. И пусть Пресвятая Дева убьет злодея мистера Перкса – Дева ведь такая добрая!

– Это ты здорово придумала, Бренда! Завтра же сразу после уроков и пойдем в церковь.

Я еще долго не могла заснуть. Все думала о Нельсоне, замуранном, тощеньком, в этом коричневом джемпере с дырками на локтях. Может, хоть мама любит Нельсона, раз уж

ему достался отец-мерзавец? Очень я на это надеялась. А еще надеялась, что Пресвятая Дева Мария покарает мистера Перкса, переломы обеих ног ему обеспечит, к примеру.

* * *

На другой день мы с Брендой отправились ставить свечи. Я обожала нашу церковку. Такая она была милая, и алтарь такой красивый, голубой, раззолоченный. У изваяния Пресвятой Девы неизменно теплилась свечка, пахло ладаном, даже когда Святые Дары не были выставлены. У входа мы окунули пальцы в чашу со святой водой и совершили крестное знамение.

– Знаешь, Бренда, сегодня Пресвятой Деве надо сосредоточиться на Нельсоне, так что давай поставим только одну свечку, чтобы Пресвятая Дева не отвлекалась еще и на песика.

– Ты ее попросишь убить Нельсонова папу, да, Морин?

– Нет. Я ей расскажу, что мистер Перкс сделал с Нельсоном, а уж она сама рассудит.

Личико у Брендды стало испуганным.

– Пресвятая Дева не сумела помочь Иисусу, а ведь Он ей родной сын! Думаешь, она поможет Нельсону?

– Видишь ли, Бренда, помогать Иисусу она права не имела. В том-то и суть, чтобы Иисус умер на кресте и тем искупил все грехи мира. Наверно, Он заранее предупредил свою

матушку, чтобы не вмешивалась.

– И впрямь. Ая и забыла.

– Поэтому, Бренда, мы с тобой сейчас вознесем молчаливую молитву, а дальше пускай Пресвятая Дева ходатайствует.

– Что значит «ходатайствует»?

– Точно не скажу, но у сестры Аквинат это любимое слово.

– Как думаешь, если мы заплатим за свечку, Пресвятая Дева скорее откликнется?

– У нас ни пенса, Бренда.

– А что, если Пресвятая Дева сперва исполняет молитвы богачей? Они ведь платят за свечки.

– Не может такого быть. Закрой глаза и взывай к Пресвятой Деве, только мысленно.

Мы обе преклонили колени перед изваянием. Я стала молча молиться, и вот в каких выражениях: «Бесценная Пресвятая Дева Мария! Конечно, твой сын Иисус все видит и все знает и ты сама тоже. Выходит, ты должна знать про Нельсона, какой он хороший и добрый мальчик. Его наказывать совершенно не за что, а тем более битьем, но отец все-таки избил его...»

– Морин, а что нужно говорить? – прошептала Бренда.

– Попроси Пресвятую Деву, чтобы она походатайствовала.

– Походатайствуй, дорогая Пресвятая Дева, – прошептала Бренда.

– Этого мало. Ты ведь не объяснила Пресвятой Деве, о ком надо ходатайствовать.

– А как объяснить?

– Попроси, чтобы она ходатайствовала от твоего имени. Скажи, что на всякий случай мы отсюда до вечера не уйдем.

Я снова закрыла глаза. «Извини, Дева Мария, на чем я остановилась? Ах да, Нельсон – хороший, добрый мальчик, и он...»

– Морин, я забыла это слово!

– По-хо-да-тай-ство-вать!

– Оно очень трудное, да, Морин?

– Под стать ситуации. Если хотим, чтобы Пресвятая Дева нам вняла, надо приложить все усилия.

«Снова извиняюсь, дражайшая Дева Мария. Ты же видишь – Бренда все время встречается. Короче, я сегодня пришла просить не за раздавленного песика, а за моего друга Нельсона. Устрой, пожалуйста, так, чтобы кто-нибудь шахрахнул его отца по башке, лучше всего молотком. Нет, я понимаю: убийства не по твоей части, но ты же наверняка знакома с каким-нибудь душегубом. Например, ты могла бы попросить одного из тех двух разбойников, с которыми рядом принимал крестные муки твой сын Иисус, – небось ты с ними уже давно на короткой ноге?»

Я подняла взгляд. Пресвятая Дева улыбалась мне своей всегдашней доброй улыбкой. «Послушай, Дева Мария, может, я многого прошу. Если с убийством никак не выходит,

ты хоть руки отруби этому мистеру Перксу, паршивцу, чтобы ему нечем было колотить Нельсона, хорошо? Аминь».

Не то чтобы очень довольная, но, по крайней мере, удовлетворенная – разве я не сделала все, что могла? – я усе-лась на скамью и стала думать о Нельсоне. Представляла его добродушное лицо и немые вихры. И как только миссис Форрест на порог пускает такого оборвыша, ведь Нельсон в ее представлении Джеку совсем не товарищ!

Рядом возникла Бренда.

– Ну что, пойдём?

Я кивнула, мы направились к дверям, однако на полпути я вдруг остановилась.

– Ты чего, Морин?

– Забыла попросить Пресвятую Деву еще об одной милости, совсем крошечной.

Быстрыми шагами я вернулась к изваянию, преклонила колени. «Только не думай, пожалуйста, дорогая Мария, будто я из тех, которым подавай все и сразу. Но, может, когда гнусный мистер Перкс будет обезврежен, ты ниспошлешь Нельсону новый джемпер? Аминь».

Я встала, но тут же снова бухнулась на колени. «Желательно коричневого цвета, дорогая Мария!»

Глава четырнадцатая

Приближалось Рождество. В доме обосновался промозглый холод. Каждый вечер папа тащил из шкафа пальто и укутывал нас поверх одеяла, но толку от его усилий было мало.

Однажды утром папа вбежал к нам в спальню и говорит:
– Ну-ка, девочки, гляньте скорее в окошко!

Мы с Брендой вылезли из постели и раздвинули шторы. Во дворах, нашем и соседском, и дальше, на улице, было белым-бело. Пока мы спали, выпал снег, укрыл траву, деревья и заборы – словом, перенес нас всех в волшебное королевство, где на троне восседает сама Зима.

– Ура, снег! – закричали мы.

Живо оделись и бегом вниз. Мама дала нам по целой тарелке овсянки, сказала, гулять не пустит, пока все не съедим. После завтрака мы надели пальтишки, шапки и перчатки и распахнули заднюю дверь, но на крыльце застыли. Всюду такая дивная чистота, разве не кощунство – ступить на снег ботинками?

– Ах, Морин! – выдохнула Бренда. – До чего красиво!

– Да, чертовски, – согласилась я.

– Чего ждете, девочки? – спросил папа.

Бренда обернулась к нему:

– Я не жду, папочка, а люблюсь. Я бы так могла вечно стоять.

– Нет, насчет «вечно» – это не по мне! – И папа спрыгнул с крыльца прямо в снег. – Идите же сюда!

Я взяла Бренду за ручку, и вместе мы помчались садом, визжа от восторга, оставляя две цепочки четких следов на заснеженной дорожке. Вдруг через забор перелетел снежок – и прямо мне по затылку!

– Это ты, что ли, хулиганишь, Джек Форрест?

– Кто ж еще-то, Морин О’Коннелл? Собирайтесь с Брендой, сейчас все вместе пойдем гулять по холмам!

– Можно, папа? Отпустишь нас с Джеком?

– Разумеется. В такую погоду что может быть лучше холмов Саут-Даунса! Ступайте и повеселитесь на славу.

Мы с Брендой побежали к калитке. Джек нас подждал, перекатывая в ладонях новый снежок.

– Только попробуй, Джек Форрест! – предупредила я.

Он усмехнулся, однако снежок бросил на землю.

– Я за Моникой, а ты к Нельсону беги, – сказала я.

– Это лишнее, Морин. Глянь-ка вон туда.

И впрямь, к нам спешили Нельсон и Моника, причем на Нельсоне был только дырявый джемпер. Джек молча скрылся за дверью и вскоре вынес свое старое пальтишко, а заодно и ломоть хлеба с повидлом.

– Я завтракал, – произнес Нельсон, впрочем, без уверенности.

– А кто говорит, что не завтракал? Зато я второй сэндвич не осилил, а мама очень не любит, когда еда остается. Давай

выручай.

– Ладно, друг, – сказал Нельсон. – Спасибо.

«Ладно»? Как бы не так! Никаким «ладно» тут и не пахло, а спрашивать было нельзя, это-то я понимала. Почему Нельсонова мама выпустила его без пальто? Почему Джек принес ему хлеб с повидлом? У меня в животе заныло совсем как от папиных чудачеств.

Нет, все-таки по-другому. О папе я давно привыкла тревожиться, не то что о Нельсоне. Случайно я перехватила Джеков взгляд, хотела улыбнуться – и не смогла. Мне показалось даже, что и Джек тщетно старается выдать улыбку.

– Раз мы идем кататься, значит, нам нужны санки, – заявила Моника. – У кого они есть?

Я побежала обратно в дом. Папа сидел в кухне и чистил башмаки.

– Ты чего вернулась, Морин? Я думал, ты давно катаешься с горки!

– А кататься-то и не на чем, папа!

– Погоди-ка, милая, дай подумать. – И папа заскреб голову.

– Не забывай про маргарин, папа.

– Спасибо, родная.

Я все ждала. Вдруг папа улыбнулся:

– Давай, Морин, я сниму колеса с нашей коляски? Еще послужит старушка, не находишь?

– Нахожу, папочка.

Я поспешила на улицу обрадовать остальных. Бренда расплылась в улыбке:

– Моя колясочка! Она будет скрипеть, как раньше?

– Нет, без колес не будет.

– Помню я вашу развалюху, сёстры О’Коннелл, – фыркнула Моника. – От ее скрипа у меня зубы ныли.

Бывало, за полдюжины миль ее слышать, скрипучку старую!

Мы уселись на заборе и ждали, пока папа справится с коляской.

– Обожаю снег, – сказал Нельсон. – После снегопада кажется, что ночью пришли маляры, обмакнули кисти в белую известку и все вокруг обновили.

Мы так и уставились на Нельсона. Раньше он подобным образом не выражался.

– Ты прямо как поэт, – сказала Моника, а Нельсон покраснел и принялся чесать в затылке. Мы невольно рассмеялись.

Наконец появился папа с коляской. Колес на ней уже не было.

– Ну, как вам новые санки?

– Вы отлично придумали и сделали, мистер О’Коннелл, – выдал Джек. – Теперь никому из ребят за нами не угнаться.

Папа так и просиял. В этот миг я чувствовала что-то очень похожее на гордость. Наша компания двинулась к холмам, но я все оглядывалась, потому что папа словно в землю врос у калитки. Может, позвать его? Он бы с радостью согласился;

да он только и ждет приглашения! И так каждый раз, когда мы с Брендой уходим: папа ждет, я разрываюсь, но все-таки не зову его. Вот и теперь я посмотрела вслед друзьям. Моника вела Бренду за ручку – вдруг она поскользнется? Джек с Нельсоном тащили импровизированные санки. Все правильно: это мои друзья, мое место рядом с ними, и папа тут лишний. Не беда: завтра мы снова пойдем в Саут-Даунс, только своей семьей – я, Бренда и папа. От этой мысли мне полегчало, и я бросилась догонять ребят.

Ах, как в тот день сияло солнце! Как искрились под снегом холмы – словно были усыпаны миллионами хрустальных осколков! Я остановилась и долго втягивала носом холодный воздух. От этого защекотало в горле, я закашлялась. Здорово, думала я, в такой день быть с друзьями. Вон они бегают в догонялки, вон Бренда затеяла игру: набирает полные ладошки снега, швыряет вверх. Снежинки медленно падают, Бренда словно в сверкающем облаке. И тут мои мысли перекинулись на папу. Жаль, что он не со мной. Пусть бы он был рядом, держал бы меня за руку, пусть бы тоже весь пропитался волшебной белизной холмов, сохранил бы в памяти этот день, единственный и неповторимый, а значит, тоже волшебный. Пусть бы распробовал, как я, тишину на вкус, пусть бы она проникла ему в самое сердце. Может, если бы папа надышался безмятежностью, в его душе настали бы мир и покой?

Вспомнилась чередка других снежных дней, когда папа

брал нас гулять на взморье – меня за ручку вел, Брендю катил в скрипучей коляске. Мы повисали на ограждении пирса и смотрели, как море накатывает на песок, захватывая и уволакивая за собой целые пласты снега, и как возвращает их на берег изъеденными, серо-желтыми. То ли дело здесь, среди холмов!.. Тоска по папе, до сих пор тупая и смутная, внезапно пронзила меня ледяным холодом. Честное слово, даже воздух, вдыхаемый мною, – и тот был теплее. Да что ж это такое? Я тоскую по папе всегда – и если он рядом, и если его нет. Ни черта не поймешь, совсем как про Святую Троицу.

Я побежала к ребятам. Мы улеглись прямо на снег и сквозь ветви, отяжеленные снегом, стали глядеть в небо.

Потом вскочили и давай кататься с горки. Коляска всех разом не вмещала, приходилось соблюдать очередь. У некоторых детей были настоящие санки, только мы никому не завидовали, потому что лучше нас никто не веселился. Снег летел нам в лица, наши пальцы сжимали бортики коляски, и она мчалась по склону под оглушительный, восторженный визг пассажира и зрителей. Скоро наши пальтишки и шапки стали одинакового белого цвета, но небесам этого показалось мало – они выдали новую порцию снежинок, точнее, снежных хлопьев, и побелели даже наши ресницы. Я перехватила взгляд Джека, мы улыбнулись друг другу – лишь этих улыбок и недоставало мне для полного счастья. На холмах мы были до темноты – растягивали этот восхитительный

день, даром что у каждого из нас зуб на зуб не попадал от холода. Наконец, уже в Качельном тупике, мы попрощались с Нельсоном и Моникой и втроем пошли домой, еле волоча старую коляску.

Глава пятнадцатая

До Рождества оставалось всего два дня. Папа повел нас с Брендой в Саут-Даунс, и вернулись мы с охапками омелы и остролиста. Снег растаял, склоны холмов сделались неприглядными, мы шлепали по грязи, оскальзывались. Но я-то видела эти холмы во всем блеске зимней славы, такими их и запомнила.

Темно-зеленым остролистом с алыми ягодами мама украсила каминную полку, а над каждой из дверей повесила по пучку омелы – и наш дом стал очень нарядным. Ради праздника мама даже зажгла огонь в камине, и мы быстро согрелись. Папа приделал к коляске колеса, и мы с Брендой весь день ходили по пятам за угольщиком. Подпрыгнет тележка на булыжнике – кусочек угля и выпадет. Тут не зевай – хватай добычу. На ровной дороге тележка не подпрыгивала, и ребята нарочно подбрасывали деревяшки да камни, чтобы разжиться угольком. А какая бывала толкотня, целые баталии разыгрывались за каждый драгоценный кусок угля. Угольщик бранился, но едва ли всерьез – он ведь знал, что мы все из чертовски бедных семей. Зато мы в благодарность приберегали для него пирожки с яблоками и корицей.

На рождественские подарки у нас с Брендой денег, понятно, не было. На помощь пришли дядя Джон и тетя Мардж – пустили нас помогать на рынке, а ведь там в канун Рожде-

ства знай успевай поворачиваться. Люди не скаредничают, не экономят, а, наоборот, готовы тратить: покупают провизию, и кое-кто даже, украсив себе голову блестящей канителью, тащит домой и настоящую рождественскую елку. С наступлением сумерек на рыночной площади появился хор, и мы паковали апельсины, яблоки и бананы под первые строчки известного хора: «Ночь тиха, ночь свята, озарилась высота». Воистину так, умиленно думала я и всей душой желала, чтобы празднику не было конца. На рынке мы оставались, пока совсем не стемнело. Тогда дядя Джон сказал, что пора закругляться, и мы помогли ему сложить на тележку непроданное, а тетя Мардж дала нам по два шиллинга – целое состояние для каждой из нас.

И вот мы с Брендой шагаем по Вестерн-роуд, жмурясь на витрины – в них горят лампочки, сверкает золотая и серебряная канитель, отсветы падают на мокрую мостовую, и кажется, что блеска вдвое больше, чем есть на самом деле. Так мы дошли до универмага «Уэйдз» – самого шикарного во всем городе. Разумеется, ни единой вещи и даже вещицы мы в этом универмаге купить не смогли бы, поэтому мы прижались носами к витрине и долго любовались куклами в платьях и шляпках из розового атласа, кукольными домиками с миниатюрными, но совсем всамделишными столиками и диванчиками. Блестели рамами новенькие велосипеды, тарасились глазами-пуговицами чудесные плюшевые медведжата. Ну и что за беда, если ни одним из этих сокровищ нам

не обладать? Мы просто посмотрим – это уже само по себе отличное развлечение. Мимо нас, напрямик к массивным дверям, прошествовала семья: отец и мать вели за обе руки девочку – ровесницу Бренды. На ней было синее бархатное пальтишко, на кудрях ловко сидела синяя фетровая шляпка. Заметив нас, девочка высунула язык.

Вполне возможно, завтра она найдет под елкой куклу в розовом атласе. Мне бы денег – я бы эту куклу купила для Бренды. И я чуть не силой потащила сестренку прочь от универмага «Уэйдз».

– Морин, ты почему сердишься?

– А черт его знает!

– Мне вовсе не нужна эта дурацкая кукла.

Я остановилась прямо посреди улицы, порывисто обняла худенькие сестренкины плечики.

– У тебя, Бренда, на такую куклу гораздо больше прав, чем у этой избалованной задаваки.

Бренда улыбнулась:

– Зато у задаваки нет такой сестры. Настоящий подарок – это ты, Морин, а не какая-то там игрушка.

– Ах, Бренда О’Коннелл, и что бы я только без тебя делала?

– Тебе, Морин, без меня быть не грозит. Я с тобой навсегда.

Мы пошли дальше по Вестерн-роуд. Следующим в ряду был универмаг «Уолуортс».

– Мой любимый магазин, – сказала Бренда.

– И мой.

Два шиллинга буквально жгли мне карман, но я знала: нельзя покупать первое, что приглянется. Мы вошли – и обомлели. Прямо в главном холле стояла чудесная елка, вся в огнях, а на самой макушке сидел эльф. Бренда шумно вздохнула:

– Вот это красотища, да, Морин?

Я улыбнулась.

– Ау нас дома будет елка, Морин?

– Вряд ли. Но мы ведь украсили дом остролистом и омелой, куда нам еще целое дерево?

– Пожалуй. А все-таки это было бы здорово.

– Елка стоит много денег.

– Ну и не надо нам ее.

– Вот и правильно. Какой в ней прок? Подумаешь, ствол да горстка иголок! И вообще, чем бы мы ее украшали? Откуда у нас игрушки?

– Верно. На черта она вообще нам сдалась, эта елка?

– Чертыхаться нехорошо.

– Ты же чертыхаешься.

– Я – другое дело.

– Это еще почему?

– Потому что у меня так рот устроен. У тебя ротик совсем не такой.

– Хочу рот как твой.

– Забудь. Что не дано, то не дано. Могу чертыхаться за двоих, если тебе от этого легче.

– Ага, спасибо.

Прилавки ломились от всякой всячины. Была тут елочная канитель, были бумажные фонарики и красная гофрированная бумага, были Деды Морозы из пластика и деревянные солдатики в зеленых и красных мундирчиках.

Прежде всего мы с Брендой купили набор заколок для мамы и упаковку табаку для папы.

– Теперь, Бренда, я пройду по магазину одна. Встретимся под елкой. Ни с кем не разговаривай и не вздумай выбежать на улицу.

– А куклами полюбоваться можно?

– Можно. Любуйся на здоровье.

Я отделилась от Бренды, потому что иначе как бы я купила ей подарок? Сюрприза бы не вышло. И к тому же я хотела без помех выбрать подарки Джеку и Нельсону. Магазин был переполнен. Всюду дети с мамами и папами: мамы призывают малышей к порядку, папы дымятся от раздражения и курят, чтобы не вспылить. До прилавка не доберешься, если не будешь работать локтями; теснота, духота, гам и шум – словом, настоящий праздник, правильное Рождество. Я подныривала под мышками взрослых, раз даже проскользнула между чьих-то длинных ног и вот оказалась нос к носу с продавцом.

Он был в красном колпаке с опушкой и в шубе – будто

Дед Мороз, улыбнулся мне и спросил:

– Что желаешь, красотулечка?

– Мне нужны подарки для моей сестренки Бренды и моего друга Джека.

– Уже что-то придумала?

– Пока нет.

Он повернулся к полкам:

– Как считаешь, твоей сестренке понравится вот это?

В руках у него была заводная деревянная обезьянка – она взбиралась по шесту, делала сальто и спускалась обратно.

– Еще бы! Бренда будет в восторге. А сколько стоит обезьянка?

– Один шиллинг.

Я покачала головой:

– Нет, тогда мне не хватит на подарки для Джека и Нельсона.

– Извини, милая, ошибочка вышла. Не шиллинг, а всего шесть пенсов. Ну что, берешь?

– Беру! – улыбнулась я.

Обезьянка была тотчас отправлена в бумажный пакетик.

– Счастливого Рождества, деточка, – пожелал добряк продавец.

– И вам счастливого Рождества!

С подарком Бренде я разобралась, а что же купить Джеку?

Я прошла в отдел, где продавались куклы. Каждая лежала в отдельной коробке, а моя Бренда, затаив дыхание, так и ела

их всех глазенками. Я приблизилась сзади и обняла ее.

– Вот вырасту, начну зарабатывать и куплю тебе такую куклу.

– Честно?

– Я же обещала.

– Спасибо, Морин.

– А сейчас надо выбрать подарок для Джека.

– Может, оловянный солдатик подойдет? Джек ведь любит солдатиков.

– У него и так уже целая армия, мой солдатик в ней затеряется. А я хочу подарить что-то совсем-совсем особенное.

– Носовой платок?

– Нет, платок не годится.

И тут я увидела ту самую особенную вещь – шкатулку с фотографией Джона Уэйна верхом на коне. Шкатулка была немедленно куплена. У меня осталось еще несколько пенсов, и я точно знала, как с ними поступить. Решительными шагами я направилась в отдел, где продавали нитки для вязания.

Молоденькая продавщица всем своим видом выражала чудовищную усталость.

– Дайте мне, пожалуйста, моток шерстяных ниток – вон тот, коричневый. Это подарок на Рождество.

– Очень странный подарок, – прокомментировала продавщица.

– И ничуть и не странный, – вступилась за меня Бренда.

– Если бы мне такое подарили, я бы не обрадовалась.

– Это не беда. Потому что нитки я подарю не вам, а кое-кому, кто мне нравится.

– Боюсь и вообразить, что ты даришь тем, кто тебе не по вкусу!

Тем не менее девица завернула моток в бумагу и получила с меня последние мои монетки.

– Кобыла безмозглая, – фыркнула я, едва мы отошли от прилавка.

– Кобыла безмозглая, – повторила Бренда.

Глава шестнадцатая

Разбудил меня Брендин крик:

– Просыпайся, Морин, он здесь уже побывал!

– Кто?

Я резко села на постели, принялась тереть глаза.

– Толстяк с мешком! Гляди – два чулка на кровати оставил! Давай отнесем их к папе и маме в спальню?

Я встала, раздвинула шторы. Оконное стекло затянул иней, и пришлось проскребать дырку, зато, когда я к ней прильнула, мне открылся белый от снега двор. Ух и холодрыга! Я запрыгнула обратно под одеяло, поджала озябшие ноги.

– И чего тебе, Бренда, неймется в такую рань?

Сестренка устроилась у меня под боком.

– Да ведь утро не простое, а рождественское. Чудо свершилось!

– Чудо свершилось, – повторила я и обняла Бренду.

– А можно мне хоть пощупать свой чулок?

– Конечно, можно.

– А тебе твой чулок дать? Ты будешь щупать?

– Буду.

Бренда вылезла из постельного тепла, дотянулась до чулок. Оба явно скрывали нечто круглое, мягкое. Что бы это могло быть?

– Похоже на апельсин, – сказала Бренда.

– И мне так кажется.

– А еще какая-то палочка.

– Может, это карандаш?

– Наверно. Давай вставать, а, Морин?

Тут в дверь просунулась папина голова.

– Нет, вы поглядите – они еще валяются! Я думал, вы обе давно внизу!

– Мы не хотели будить тебя и маму, – объяснила я.

– Я давным-давно на ногах. А вам, похоже, и невдомек, что нынче Рождество!

– Вдомек, папа, очень даже вдомек, – возразила Бренда. – Толстяк с мешком ведь уже приходил.

– Неужели? Наверное, он считает вас очень-очень хорошими девочками.

– А ты как считаешь, папа? – спросила Бренда. – Хорошие мы или не слишком?

– По-моему, самые лучшие в Качельном тупике. А теперь давайте-ка вылезайте из-под одеяла. Я в камине огонь разжег, не замерзнете.

Мы вскочили, схватили каждая свой чулок и побежали вниз по лестнице.

– Ну-ка закройте глаза, – скомандовал папа.

Мы послушались. Первым моим впечатлением был запах – он вдруг ударил в ноздри, такой свежий и смолистый, словно я чудесным образом перенеслась в настоящий лес, в неведомые края. Сердце запрыгало от восторга.

– Теперь глаза можно открыть, – сказал папа.

Перед нами темнела, благоухала, занимала чуть ли не всю гостиную рождественская елка – почти такая же большая, как в универмаге «Уолуортс». А украшали ее папиросные коробки, оклеенные серебряной фольгой. Вот это чудо так чудо!

Бренда залилась слезами. Папа подхватил ее на руки.

– Ну что ты! Не время плакать, маленькая моя.

Бренда шумно вздохнула:

– Елка... она такая... такая...

– Огромная? – подсказала мама, входя в гостиную.

– Восхитительная, – поправила Бренда, а я спросила:

– Папа, где ты ее раздобыл?

– Это не я, это дядя Джон. Елка последняя оставалась на елочном базаре, никто ее брать не хотел.

– И я догадываюсь, по какой причине, – съязвила мама.

– Мам, ты недовольна, потому что чертова елка заняла едва ли не все пространство?

– Морин, выбирай выражения.

– Извини, мама. Ну не могу я без этого словечка, хоть режь меня.

– Знаю.

– А елка все-таки чертовски красивая, – подытожила Бренда, и мы все рассмеялись.

Бренда высоко подняла свой чулок:

– Смотри, мамочка, что мне принес Санта!

– Так и будешь до вечера чулком размахивать? Внутри не заглянешь?

Мы усадились у камина – как ярко пылал огонь! – и запустили руки каждая в свой чулок. У меня в чулке обнаружили яблоко, апельсин, пять мраморных шариков, книжка-раскраска, игрушка «чёртик на ниточке» и пакетик лакричных леденцов. Все то же самое получила и Бренда. У нее глазенки так и сияли, щечки покраснелись – может, от жаркого огня, а может, и не только.

– Я такая счастливая, что мое счастье во мне не помещается, – вдруг выдала Бренда.

Мама только головой покачала:

– Бог знает, от кого она таких выражений набралась!

– От тебя, моя прекрасная Кейт, – сказал папа.

Мама стала пунцовой:

– С тобой поживешь – еще и не так заговоришь.

Тут папа вышел из комнаты, но вскоре вернулся с большим газетным свертком.

– Это для обеих моих девочек. Счастливого Рождества, ангелочки мои.

Мы разорвала газетную бумагу – и что же увидели? Настоящий кукольный дом! В нем были окошки и дверь – все как полагается, – а благоухал он почему-то яблоками.

– Папочка, какая красота! – воскликнула я.

– Это грандиозно! – изрекла Бренда.

– Папа сам его смастерил, – пояснила мама, садясь на пол

рядом с нами.

– В ход пошли ящики из-под фруктов, любезно предоставленные вашим дядей Джоном, – добавил папа.

Бренда повисла у папы на шее:

– Это лучший в мире кукольный домик!

– А теперь бегите одеваться, милые. Нам пора на мессу, – сказал папа.

Я помчалась в спальню, живо оделась и поспешила вниз.

– Мне, папа, нужно увидеться с Джеком, подарок отдать.

– После мессы отдашь.

– Нет, это будет поздно. Нынче Джека везут к бабушке, мы разминемся.

– Тогда беги быстрее, не задерживайся там у него.

Мне открыл мистер Форрест:

– А, Морин! С Рождеством. Тебе Джека позвать?

– Да, пожалуйста, мистер Форрест.

– Не стой на холоде, входи давай.

И я вошла. Никогда прежде я не бывала у Форрестов. Оказалось, дом вроде нашего, но в то же время совсем-совсем другой.

– Джек, к тебе гости! – крикнул мистер Форрест.

Сам Джек бежал вниз по лестнице. Увидел меня и улыбнулся.

– А мы к бабушке едем, Морин.

– Знаю. С Рождеством.

Подарок я держала в вытянутой руке. Джек это заметил

и спросил:

– Это для меня, что ли?

Я кивнула. Тогда Джек бросился обратно в спальню и скоро появился снова, уже с красным бумажным свертком.

– Вот, держи. Я хотел вручить тебе подарок прежде, чем мы отчалим.

– Мне надо на мессу.

– Ой, а я и забыл.

– Джек.

– Что?

– У Нельсона дома будет праздник?

Джек помрачнел:

– Не знаю, Морин.

– Но ведь мистер Перкс не поколотит сына в Рождество, правда?

Джек принялся грызть ноготь.

– Что ты молчишь?

– Нет никакого мистера Перкса, – еле слышно сообщил

Джек.

– Как это?

– У Нельсона нет отца, Морин.

– Кто же тогда его бьет?

Из кухни выплыла миссис Форрест.

– С Рождеством, Морин, – сказала она.

Я видела, как шевелятся ее губы, но, потрясенная откровением Джека, не понимала слов.

– По-моему, я поздравила тебя с Рождеством.

– Простите, миссис Форрест. И вам счастливого Рождества.

– Джек, сынок, попрощайся со своей подружкой. Нам пора к бабуле.

Джек вышел со мной на крыльцо.

– Ничего не понимаю, – созналась я.

– Слушай, Морин, мы это обязательно обсудим, только не сейчас, а после праздника, ладно?

У меня глаза наполнились слезами.

– То есть Рождества Нельсону не видать? Ни угощения, ни подарков не будет?

Так мы стояли, глядя друг на друга, оба охваченные сочувствием к Нельсону.

– Поставь сегодня за него свечку, Морин, – сказал Джек.

– Обязательно поставлю. Я и раньше ставила, и впредь буду.

– У Нельсона есть мы – от этого ему легче.

– Да, мы никогда его не покинем.

И тут Джек сделал нечто удивительное – подался ко мне и чмокнул меня в щеку.

– С Рождеством, Морин.

Домой я вернулась как во сне. Джек сказал, что у Нельсона нет отца; Джек поцеловал меня. Можно ли разом чувствовать недоумение, тревогу и счастье? Наверно, можно, если со мной так и происходит.

Пока мы шли в церковь, отовсюду несло «С Рождеством!». Я и хотела ответить, а не могла. Папа это заметил, остановился, внимательно посмотрел на меня:

– Что-то случилось, доченька?

– Столько всего на сердце...

– Может, переложишь часть груза на папочкины плечи?

– Не сейчас.

– Ладно, папочка подождет.

Бренда крепче стиснула мою ладонь и выдала:

– Нынче не буду молиться за раздавленного песика. Спрошу лучше Младенца Иисуса, почему на моей сестре лица нет.

– Отлично придумано, Бренда, – похвалил папа.

– Пускай Младенец Иисус похо... поха... Морин, как там это слово?

– Походатайствует.

– Вот-вот. Пускай Он... вот это самое. У Него нынче день рождения, и Он, небось, рад и всем готов помогать.

– Логично, – сказала я.

Что это за чудо – рождественское утро в церкви! Свечей зажжено столько, что по нефу идешь – теплом тебя обдает; Святые Дары выставлены на всеобщее обозрение. Мы преклонили колени, сотворили крестное знамение и прошли дальше, туда, где сбоку от алтаря был устроен вертеп. Пресвятая Дева Мария умильно глядела на крошку Иисуса; Он, спеленатый, лежал в яслях; за спиной Марии был святой

Иосиф, тут же стояли волхвы и пастухи – очень трогательная сцена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.